

*Тамара
Муқанова-Мендошева*

АЛТАЙ ЗОЛОТОСПИННЫЙ С ЗАПАХОМ МОЖЖЕВЕЛЬНИКА

ОХОТНИКИ

Обещанные пастухи прибыли только к вечеру следующего дня, поэтому мне пришлось с утра возиться с Эркешем. А когда он уснул, я взялась за учебники. Сноха разбирала и складывала вещи. Но вначале она тщательно помыла пол в передней комнате.

В те времена это была непростая работа, ведь полы не красились. Они имели гладко выструганную поверхность с естественным природным цветом. Любая грязь легко прилипала к такому полу, въедалась в поры. Поэтому каждую доску хозяйка сначала тщательно намыливала хозяйственным мылом, затем под правую стопу подставляла железный скребок и, с силой надавливая, вышаркивала им по всей длине пола. Так доску за доской отскребывали и отмывали дочиستا, а затем вытирали насухо. Все это сноха Шанкы проделывала легко и споро.

Прошло всего каких-то три десятка лет, как алтайцы начали переходить с кочевого образа жизни к оседлости, стали строить деревянные избы и зимовать в них. Вместе с оседлой жизнью пришла культура домоведения, перенятая от русских соседей, – и органично вошла в быт алтайцев. Моя сноха охотно вязала крючком кружевные изделия из белых хлопчатобумажных ниток кроше, и все в доме, вплоть до скатерти, подзоров для подушек и кроватей и даже воротничка к моей школьной форме, было связано ею самой.

Стены чабанского дома и снаружи, и внутри также имели естественный вид: выструганные с боков деревянные бревна перекладывались сухим мхом, и в помещении всегда стоял особый запах с привкусом смолы и мха. Мне такие стены с самого детства нравились больше, чем оштукатуренные, возможно, еще и потому, что штукатурка в селах была совсем уж самодельная.

Пастухи, веселые, закопченные солнцем мужчины отказались от чая и сразу включились в работу – принялись помогать дяде. Он в это время возился с крышей кошары. Трудились они до самой темноты и в целом закончили-таки долгострой.

За ужином дядя объявил, что завтра спозаранку они втроем поедут на охоту, что другого такого удобного случая не представится, что вернутся завтра же вечером и парни доставят меня в село.

– О-о-и-и-ий! Опять ждать! – невольно вырвалось у меня.

Этим я обратила на себя внимание. Гости стали расспрашивать, как я справлялась с работой. Услышав похвальную оценку, один из них и говорит:

– А зачем ее отвозить в село? Пусть работает, помогает колхозу выполнять государственный план. Перевыполнишь – запишут много трудодней, дадут медаль. Много медалей! Будешь сидеть в президиуме и каждый месяц ездить на заседания чабанов в район, в город или даже в саму Москву.

– Сам работай! – со злостью крикнула я, а в ответ – дружный хохот.

– Нельзя со взрослыми так разговаривать, – мягко пеняет мне сноха. – Ты же знаешь, и все село знает – Шыкаак не может жить без шуток.

– Вот-вот, все вы так говорите, – деланно хмурится дядя Шыкаак, – а я назло всем хочу быть тоже злокой. Так надо, понимаете, чтобы отстали: жена, теща, председатель колхоза, противная соседка. Все от меня чего-то хотят. Шыкаак, сделай то, сделай другое, со всех сторон наступают, а я один, разорваться, что ли, на кусочки?!..

Еще немного поговорив, гости собрались укладываться спать, но перед тем разговорчивый дядя Шыкаак обратился к моему дяде:

– Ключюк, попроси жену, чтобы перед дорогой прочла алкыш. Пусть, как и в прошлый раз, нам завтра сопутствует удача.

– Ой, что вы, в прошлом году это было совпадение, – смущенно отвечает сноха.

– Сейчас время позднее, – говорит мой дядя. – Пусть утром Шанки даст нам напутствие. Жаль, что не позвали с собой Тейчин-ака. Вот кто мог бы понастоящему задобрить Хозяина тайги.

С самых древних времен у охотников существует поверье, что исполнение кая привлекает внимание Хозяина тайги, он незримо присутствует среди них, и, если кай понравится ему, охотники возвращаются с богатой добычей.

Сама охота сопровождалась рядом табу, которые неукоснительно соблюдались: она не должна быть избыточной, нельзя охотиться во время гона, вынашивания детеныша. При разделке туши запрещается рубить кости – после варки мяса их собирают в одну кучу, чтобы зверь возродился в прежнем облике.

ПОБЕГ

Утро следующего дня было такое же, как вчера: светило солнце, искрился снег, легкий морозец охлаждал щеки. Овцы тесной кучей столпились у ворот кошары – им не терпелось на волю, на луга. Тайгыл доедал остатки завтрака, грыз кости со вчерашнего ужина. Рыжий, уже оседланный, дожидался начала работы. Пеструха паслась недалеко от стоянки. Дяди и его друзей уже не было: они уехали затемно.

Сноха Шанки кормила грудью сыночка и дожидалась меня, чтобы дать указания относительно своего сокровища – сегодня с ним остаюсь я.

– Все, теперь мы будем спать до обеда, – сказала мамаша, укладывая ребенка в люльку. – Но если проснется, дашь соску. Если соска не успокоит, дашь вот

это, – сноха указала на марлевый узелочек, в котором находился талкан, примерно со столовую ложку.

Я согласно кивнула, потому что уже знала, как им пользоваться – узелок опускается в теплый чай с молоком и дается малышу вместо соски.

– Через час подбрось в печку два-три полена. Дверью не хлопай, если хочешь, чтобы Эркешка спал подольше. Тайгыла я уже покормила.

Дав наставления, сноха сняла со стены ружье: наступили холода, и теперь нужно было опасаться волков. Я вышла вместе с ней, чтобы помочь выпустить овец из кошары.

А дальше все происходило, как во сне, потому что теперь мои действия совершались спонтанно, без малейшего предварительного обдумывания. Как только сноха с овцами скрылась за ближайшим холмом, я надела пальто, завязала платок, взяла с полки школьные учебники, посмотрела на спящего племянника и тихо вышла из дома.

Тайгыл все еще возился с вожделенной костью и не обращал на меня внимания. Это мне и нужно было. Невесомой тенью я обошла дом и, как только собака исчезла из виду, пустилась бежать. Дорогу в селение я знала по прошлому году, она все время шла вниз по широкой долине. Где-то на полпути сплошной снежный покров кончился, и я отчетливо увидела неподалеку протоптанную грунтовую дорогу. Это добавило мне уверенности, и скоро, через какие-то полтора часа, я была уже в селе Теньга. А еще через час у своего дома в Талду. Сердце бешено колотилось от безостановочного бега и, конечно же, от сладостного предвкушения, что скоро увижу наану. Кстати, это был единственный случай, когда колхозное руководство распорядилось оставить ее работать на поселковом скотном дворе до весны.

Как я и ожидала, дверь избы была заперта, – не на замок, а на щепочку, – что означало: хозяйки нет дома. Я вынула щепку, занесла книжки в дом – и скорей на скотный двор в конце селения. Вскоре увидела бабушку – она гнала торбоков (годовалых телят) на водопой и, увидев меня, остановилась.

– С кем приехала? – спросила, приняв меня поверх платка к макушке (она всегда так делала).

– Ни с кем!..

– ?..

– Я сама спустилась с кыштуу, всю дорогу бежала и бежала без остановки...

– То есть как сама? Одна, что ли?

– Ну да.

– А где Кючлюк? Что с Шанкы?

– Таай утром уехал на охоту, а сноха сегодня пасет овец сама.

– А ребенок? Кто с ним?

– Он будет спать до обеда. Ничего с ним не будет. В обед его покормит мама...

Не успела я договорить, как бабушка с криком «О-о-и-и-ий, Кёк-Тенери!» начала хлестать меня прутиком, которым погоняла торбоков.

– Ты, оказывается, сбежала! Оставила спящего ребенка одного и сбежала! Ах ты, дрянная девчонка! Вот тебе, вот! – несколько раз хватив по спине, толкнула к торбокам. – Напоишь и пригонишь на скотный двор. Жди меня там! – И устремилась в село.

Я смотрела ей вслед, и тут из моих глаз градом брызнули слезы. Вначале я плакала беззвучно, а когда заревела навзрыд, сделалось легко и хорошо. Выплакаться всласть – вот что, оказывается, нужно было мне на самом деле: ведь в глубине души я сознавала свою вину, понимала, что нехорошо поступила, оставив Эркешку одного дома.

Естественно, сюда еще примешивалось чувство обиды: до отчаянья хочется в школу, а взрослые препятствуют. Вот была бы мама жива – никто бы не посмел со мной так поступать...

С моим племянником и в самом деле ничего плохого не случилось, потому что сноха, издали увидев меня, несущуюся в сторону села, все поняла и, не мешкая, пригнала овец на стоянку, загнала в кошару.

Вскоре, взяв в конторе верховую лошадь, к ним приехала бабушка. Всласть налюбовавшись на внука, она, не дожидаясь вечера, вернулась в село.

После этого случая за мной закрепилось прозвище «Второй Эрельдей». Не хотели мы с Эрельдеем пасти овец, и все тут. Это при том, что очень даже мозговитые и дельные люди – мой дядя и сноха Шанкы – совершенно искренне не могли представить свою жизнь без отары овец. Ладно, согласна, дядя имеет лишь два класса образования (так получилось), но сноха! Успешно закончив семь классов, имея возможность продолжить образование (благо родители – люди с достатком), она не захотела надолго покидать Талду, родителей, возлюбленного, то есть моего таай... Для меня ее решение поначалу представлялось неправильным, но по мере взросления я в корне изменила отношение к такого рода выбору. У каждого человека – свое понимание счастья и смысла жизни. Как бы он ни прожил свою жизнь, это его опыт, знание, судьба. Все вместе достойно внимания и уважения.

Как-то я спросила наану:

– Скучно, наверное, все время жить на ферме и возиться с телятами каждый день без выходных?

Бабушка удивленно вскинула на меня глаза:

– А ты видела, чтобы я когда-либо скучала? Э-э, доченька, у меня нет времени на это. Я ведь учусь у солнца. Каждый день без малейшего промедления, точно в свое время, встает Магушка-Светило (у алтайцев солнце – Мать, а месяц – Отец) над кромкой горы, улыбнется миру утренней улыбкой, благословит, утешит и обогреет всех и всё на своем пути, а вечером с прощальным приветом уходит отдыхать. Луна тоже каждую ночь, чтобы Дьелбеген снова не пришел на землю, борется с ним. Отдохнет два дня (в белое и красное полнолуния), и снова в бой. Так что, детка, знай: работа для человека – это его праздник, его ежедневная молитва Богу. Сейчас ты этого не понимаешь, поймешь, когда вырастешь...

Почти так же ответила мне как-то тетя Нюра, мама моей троюродной сестры Сюнер Чурпановой. Их семья проживала в микрорайоне Каяс в Горно-Алтайске, и у них был образцовый дом и огород. С удивлением обойдя большой летний огород, я дала ему определение «немецкий» – уж очень тщательно за ним ухаживали хозяева. Вот тогда Нюра-эдьё и сказала, что каждый день выходит в огород поработать. А пример берет с Солнца – ни дня без работы.

Наши с Сюнер бабушки – родные сестры.

НОВЫЙ УЧИТЕЛЬ

Поскольку мои подружки-одноклассницы уже успели рассказать о том, какой теперь у нас красивый, строгий молодой преподаватель, я с легкостью «смахнула с него лицо Эрельдея», как только увидела из окна школы.

Сергей Адучинович действительно был очень красивым человеком с природным шармом. На него хотелось смотреть целыми днями напролет. Благо положение ученицы очень даже способствовало подобному наваждению – смотри себе и делай вид, что внимательно слушаешь все четыре-пять уроков подряд шесть дней в неделю – с понедельника по субботу.

Белолицый, с кроткими глазами, черными смоляными волосами, остриженными по моде того времени, высокого роста и спортивного телосложения, он, как мы знали, не был еще женат и только этим летом окончил учебу в педагогическом училище.

Мы были его первыми учениками. Нина, Эркелей и я через неделю признались друг другу, что всё, кончилось наше безмятежное детство – пришла первая любовь. С этого времени мы будем жить с мечтой о красивом будущем. Это значит, что каждая из нас в душе лелеяла тайную надежду на то, что, когда повзрослеет (естественно, после 10-го класса и получения институтского диплома), подаст учителю знак о своих чувствах, и тогда, кто знает, возможно, получит взаимность. «Только бы он до этого не вздумал влюбиться в кого-то другого и, не дай бог, жениться», – мысленно говорила я себе.

То обстоятельство, что мои «соперницы» выглядели красивее меня, во внимание не бралось – я была отличницей в учебе, и мне казалось, что это веский аргумент. Тогда у меня еще не развились подростковые комплексы. Они появились позже – в шестом классе на тетиных сдобных выпечках я неожиданно начала толстеть, а районный глазной врач прописал постоянное ношение очков.

Однако проблема лишнего веса и близорукости – это все потом, а пока я упивалась полнотой и содержательностью столь чудесно изменившейся жизни.

Наш учитель из-за нехватки специалистов работал с восьмью утра до обеда одновременно со вторым и четвертым классами, а после обеда с первым и третьим классами занималась наша прежняя учительница. Урок объясняли сначала младшим, затем давали задание по теме, и, пока те выполняли его, внимание переключалось на старших. Оба класса сидели в одном помещении, другого варианта не было.

По вечерам учитель репетировал с нами школьный концерт к празднику, посвященному очередной годовщине Великого Октября, который отмечался 7 ноября. Он играл на баяне, и, когда мы пели под его аккомпанемент, живые, бодрые, звучные аккорды этого удивительного инструмента цепляли душу, подымали ввысь, рождали неведомые до сих пор эмоции. Хотелось, чтобы такое состояние никогда не кончалось.

В день празднования мы выступили перед сельчанами в маленьком колхозном клубе. Номера следовали друг за другом по классической схеме. Первым выступал хор: начинали с алтайской песни «Новый Алтай», следующими шли «По долинам и по взгорьям», «Катюша», «Алтын-Кёль». Затем следовало яркое, сильное стихотворение, сольное пение сменялось сольным акробатическим номером, затем снова стихотворение, и, наконец, выступление заканчивалось групповым акробатическим этюдом.

Вот текст песни «Алтын-Кёль» («Золотое озеро»):

Если взглянуть со стороны,
Не видать краев, Алтын-Кёль.
Если бросить взгляд с вышины,
Ты – как зеркало, Алтын-Кёль.

Скал прибрежных немой гранит,
Словно крепость, тебя хранит.
Рыбы стаями там и тут,
Словно в небе тучи плывут.

А волною твоею всегда
Умываться будет звезда.
О величии твоих светлых вод
Будет вечно петь наш народ.

Успех был ошеломляющий, каждый номер повторяли на бис, так как родителям хотелось продлить удовольствие от выступления своих несравненно талантливых чад. А сами артисты от величия момента готовы были выступать перед благодарными зрителями хоть до утра. Одна престарелая жительница Талду даже пробралась к сцене и оттуда провозгласила лучшую для нас похвалу: «После выступления наших славных жаворонков я поняла, как на самом деле красив и величественен Алтын-Кёль, в нем – туча рыб, оказывается, в нем купаются звезды, и он очень-очень богат и могуч... Вот бы съездить к нему, посмотреть своими глазами, испить озерной водицы, а там, глядишь, и помереть не жалко будет...»

Именно тогда я поняла, что публики не боюсь, что выступление на сцене дает неизъяснимое удовольствие, что когда вырасту – непременно стану артисткой.

Во время зимних каникул Сергей Адучинович свозил нас с концертами в ближайшие четыре села: Бичикту-Боом, Боочи, Кулада и в соседнее Шибее. В те времена снега выпадало много, так что люди зимой ездили на санях. Наш учитель, он же концертмейстер, выпросил у колхозного руководства лошадь с большими санями-крылатками и полным комплектом упряжи, кто-то из родителей дал овчинный тулуп. И вот мы, основной костяк артистической группы, примерно десять учеников, торжественно усаживались в сани. Старшим мальчикам, Эркияшу или Ырыспаю, учитель вручал баян с футляром, а сам брался за вожжи. В Каракольскую долину мы прибывали не объездным путем через разъезд, а через небольшой горный перевал.

В Шибее я впервые увидела хрупкую девочку с длинной черной косой. Она была похожа на крошечную косулю, звали ее Карагыс. После она станет моей соклассницей по областной национальной школе в Горно-Алтайске и сокурсницей по институту в Москве. Теперь она – народная певица.

А тогда моя ровесница звонко и старательно выпевала: «Ой, Светлана – светлячок...» Ей очень шло пение, шквал аплодисментов буквально сотрясал воздух. Смущенно кланяясь, незнакомая девочка исчезла за занавесом...

Когда ее вызвали на бис, юная звезда, сияя улыбкой, спела песню Наргиз из знаменитого индийского фильма «Бродяга». Маленькая певица поразительно точно интонировала мелодию песни, но самое удивительное было то, что если

закрыть глаза и вслушаться в пение, то казалось, поет не Карагыс, а сама Наргиз – настолько схожим был тембр их голосов.

Надо сказать, в клубах, где мы выступали, всегда было полно народа. Благодарная публика горячо рукоплескала каждому номеру: ведь кино показывали редко, а о телевидении никто и не слыхивал.

После концерта, ночью, при лунном свете, мы возвращались домой. Как, какими словами описать то невесомо-легкое ощущение полета на санях, несущихся по горному склону среди заснеженных деревьев и кустарников?! Только как чудо, только как сказку!

Разумеется, повзрослев, я стала понимать, что сказка эта была результатом большой самоотверженной организационной работы нашего учителя и его коллег – сельских учителей, беззаветно преданных своему делу.

И еще. Оказывается, Сергей Адучинович, приступив к работе, обратил внимание на отсутствие одной из учениц, выдаваемой к тому же успехи в учебе. Он встретился с моей тетей, Анной Маймановной (она была моей опекушкой), расспросил об обстоятельствах. Тетя заверила, что совсем скоро ее племянница приступит к учебе. Но когда я все еще отсутствовала спустя две недели, он пошел к председателю колхоза с угрозой, заявив, что обратится в вышестоящие органы: колхозное руководство эксплуатирует детский труд в учебное время. Мой зять Айдын Телесович (опекун), счетовод, стал невольным свидетелем этого горячего разговора, от него мы и узнали об инциденте... Естественно, председатель распорядился немедленно привезти меня в школу.

Вспоминается наша весенняя экскурсия в лес. Ранним утром в воскресный день мы, старшеклассники, пришли на левобережье Урсула и выкопали там маленькие ростки черемухи. Но сначала Сергей Адучинович велел нам привязать с северной стороны саженцев белую ниточку. Из каждой ямки мы взяли в специальные мешочки немного земли. А при посадке саженцев на дно ямы высыпали принесенную землю, чтобы корни почувствовали родную почву и быстрее укоренились на новом месте. Не упустили из внимания и белые ниточки – все они смотрели на северную сторону.

Через много лет я приходила к тем нашим черемухам возле школы и к дому Эртечи-эдьей (о ней будет сказано позже) поклониться памяти дорогих мне людей...

Проучилась я у своего обожаемого учителя всего год, так как пятиклассники должны были определяться в школы-интернаты по району проживания или в центре автономной области – городе Горно-Алтайске.

КАРАКОЛ

Учебу в пятом классе я продолжила в Каракольской семилетней школе-интернате, находящейся вниз по течению Урсула примерно в 15 километрах от моего селения. Здесь я встретила с эдьей Паной, поскребышем нааны. Она приезжала сюда из села Кызыл-Тан от семейства Кахтуновых и училась в седьмом классе.

В первую же встречу, обратившись к тете по-свойски на ты, я получила строгую отповедь. Старшую родственницу возмутило грубое нарушение традиции: тетю, старшую на целых два года (!), я приняла за ровню и тем самым выказала свою невоспитанность. С того дня я хорошо усвоила урок эдьей – обращалась к ней только на вы.

В Караколе накануне Нового года я увидела потрясающую елку, сверкающую и переливающуюся всеми красками. Она красовалась посреди просторного школьного зала. Игрушки предыдущих моих елок изготовливали сами школьники и учителя из раскрашенной вручную бумаги, и при всей своей уникальности они, увы, не сияли. Поэтому, тихо замерев перед огромной елкой, я с неопишуемым интересом рассматривала каждую стеклянную игрушку по отдельности. В этот момент кто-то сзади тронул меня за плечо. Я оглянулась и... обомлела: передо мной возвышался соклассник эдье Паны Володя Чукуев в огромной красочной полумаске волка и улыбался в контраст самодельной звериной голове. Ощерившийся в страшном оскале сине-красно-черный зверь с белыми клыками, нависшими над лицом красивого юноши, производил неизгладимое впечатление. После эдье Пана объяснила мне, что Володя эту маску изготовил сам из папье-маше по инструкции из только что вышедшего в свет журнала «Юный техник». Ныне автор волчьей полумаски – всенародно известный на Алтае художник.

В тот год в Каракол приехали два молодых выпускника Горно-Алтайского педагогического института – историки Геран Иванович Константинов и Сергей Филиппович Тобоков. Среди старшеклассников ходили слухи, что они оба – внуки бывших богачей Алтая. Красивые и обаятельные, один шатен, другой брюнет, они носили аккуратно выглаженные костюмы, любили шутку, от них веяло неуловимым аристократизмом, или, как еще говорят, породой. Для полной обрисовки внешнего вида не хватало только шляпы и трости. В характерах обоих превалировала ироничность. Казалось, им доставляло большое удовольствие задевать самолюбие отстающих учеников: «Ну, гороховая голова, вперед, к доске, на штурм наук! Чем ты на этот раз порадуешь, чем огорошишь?!» – и «гороховая голова», краснея и бледнея, вяло плелась к доске, а затем, после нескольких вопросов, с провалом возвращалась на место.

А вот Сергей Адучинович никогда не позволял себе такого. О двоечнике говорил: «Он – будущий солдат, защитник Родины! К следующему уроку придет обязательно подготовленным». Тот, естественно, из всех сил старался соответствовать высокому статусу защитника Родины, учил уроки.

У меня, так же как и у многих моих знакомых, есть наблюдение: девочки, девушки и затем женщины намного активнее, напористее и решительнее в своих действиях, чем мужская часть общества. Причина в общем-то проста и кроется в неправильном подходе к детям с первых лет обучения в школе. Дело в том, что психофизическое развитие детей разного пола в школьный период резко различается. В то время как девочки и физически, и умственно созревают раньше, лучше вслушиваются в окружающий мир, быстрее адаптируются к нему, их сверстники какое-то время пребывают в буйных мальчишеских фантазиях, в своем отдельном «героическом» мире, и внешний мир для них до поры до времени остается малоинтересным. Естественно, мальчик становится невнимательным, пропускает объяснения учителей, замечания родителей, а это значит – отстает в учебе, не выдерживает сравнения с сестрами и соклассницами, оказывается некудышным помощником дома. И вот тут взрослые, родители и учителя, дружно набрасываются на беднягу, обвиняя его в бестолковости, нерадивости и даже никчемности. Какой ребенок выдержит столь мощный психологический пресс? В самом начале жизни с ним происходит внутренний слом, трещина в сознании, в самооценке. Детское, природное бесстрашие улетучивается, как дым, остается слабостью-

ный субъект, легко поддающийся всяческому искушению. Я видела много таких случаев. Поэтому нужно или раздельное обучение (что сложно исполнимо), или взрослым взять да поменять отношение к двоечникам-фантазерам, сознательно изменить предвзятую установку, постараться получать положительные эмоции от того, какой он есть, каким родился, с неповторимыми чертами характера, живой, невредимый и особенный. Все люди нуждаются в любви и уважении, дети – в особенности. Бывают, конечно, мальчишки не столь «хрупкие», из десяти двое-трое благодаря упрямому нраву и природной крепости выстоят, не сломаются ни под каким прессом, сберегут свое крепкое мужское начало, свое «я».

Уверена, моего незабвенного учителя Сергея Адучиновича Мандаева (его отец стал жертвой репрессий 37-го года, когда мальчику было всего два года) мама в детстве жестко не наказывала, морально не истязала, не унижала, и он вырос настоящим мужчиной, ответственным за свои слова и дела. Только вот судьба отмерила ему недолгую жизнь. Я одна из тех преданных на всю жизнь учениц, кто горько оплакивал безвременную кончину этого удивительного человека.

БАБУШКИНА ПРАВДА

Еще один штрих к портрету моего учителя. Однажды я вернулась из школы домой в дурном настроении. Сердито открыла дверь дома, намеренно резко хлопнула ею и, не взглянув на бабушку, возившуюся у печки, закинула тряпичную школьную сумку в дальний угол, демонстративно подбежала к своей кровати и упала на нее ничком. При всем этом все же краем глаза заметила, как бабушка в тихом изумлении застыла на месте.

После паузы услышала:

– Торко, вставай, попьем чаю.

Не получив ответа, бабушка подошла к кровати.

– В чем дело, деточка, что случилось?

Снова не дождавшись ответа, наана пошла в дальний угол, подняла мою сумку, повесила на специальный гвоздь, вернулась к столу и стала одна пить чай.

– Не хочешь говорить. Молчишь. Ну, как знаешь, – это она уже говорила возле двери. – Я иду готовить талкан. Как поешь, приходи помогать, без тебя мне одной не справиться.

Бабушка сняла с вешалки куртку и вышла на улицу.

Я вскочила и, распахнув настежь дверь, громко крикнула ей вслед:

– А Бога нет! Нету Бога!!! Вы меня все время обманывали!

Наана, будто ничего не слышала, подошла ко мне, молча отодрала мои пальцы от дверной ручки, в которую я вцепилась намертво, и толкнула внутрь комнаты. Здесь усадила меня за стол, сама села напротив.

– Кто это тебе сказал? – спросила строго.

– Учитель!

Наана молчала.

– Учитель... Он сказал, что только темные, неграмотные люди верят в существование Бога...

Наана и на этот раз смолчала, и я решила, что сразила мою бабушку, такую родную, но такую темную и неграмотную... Я-то ведь уже училась в четвертом классе, а бабушка, увы, не имела даже одного класса образования. Мне стало жалко

ее... Я встала, подошла к бабушке, чтобы обнять. Но бабушка опередила меня, не дала себя пожалеть, направилась к двери. И уже возле двери произнесла:

– Да, конечно, учителя надо слушать. Он – ученый человек. Твоя мама тоже ведь была учительницей. Только моя дочь не говорила бы о том, чего не знает... А я вот о чем думаю: если, как утверждает твой учитель, Бога нет, то почему мы сейчас о Нем говорим?.. Ведь чего нет, о том не говорят...

Вот так, коротко и внятно прокомментировав самый сложный из вопросов, наана оставила меня одну.

Когда я зашла в юрту, бабушка поджаривала в большом казане с круглым дном ячменные зерна. Она попросила поднять с земли рассыпавшиеся зерна. Проследила, чтобы я собрала все до одного.

– В глазах Бога, – сказала наана, – каждое из этих зерен видится величиной с целого барашка.

Я сразу принялась обдумывать услышанное. В бабушкином доводе чувствовалась неведомая запредельная правда. Нельзя сказать, что она вот так, с ходу вразумила меня и настроила на свой лад. Долгое время я, школьница своего времени, а затем студентка, жила с раздвоенным сознанием. Догадываюсь, что и душа Сергея Адучиновича, весь его духовный строй также постоянно пребывали в пограничном состоянии. Ведь и у него было свое окружение бабушек и дедушек, была нерасторжимая связь с сильными, глубокими корнями. Только вот полнокровного детства он не увидел. С двух лет остался без отца. Мать с тремя детьми работала за двоих, сделала все, чтобы они получили образование. Один из детей стал учителем советской школы, носителем правящей атеистической идеологии, а это значит, обязан был давать ученикам соответствующие ее постулатам разъяснения. Кто посмел бы осуждать его тогда и тем более сейчас?

Что касается меня, то, кроме чувства обожания и благодарности своему учителю, я других эмоций не знаю.

А бабушка? Так она и стала тем единственным человеком, кто поставил жирную точку в вопросе о Боге. Ее точка зрения: как бы человек ни ощущал свою мощь и крепость духа, каким бы всемогущим ни казался себе и окружающим, какими бы талантами ни блистал, он станет истинно мощным и сильным лишь тогда, когда признает Силу, большую, чем он сам. Когда укрепит сердце знанием Бога... И это знание, эта истина сделает его по-настоящему сильным... К этому добавлю: таким, какой была, жила, страдала и любила моя наана – без уныния, но в то же время без восторженного ликования и без того, чтобы фанатично доказывать свою правоту, яро учить уму-разуму свое окружение или хотя бы внучку...

Вот и сейчас, закончив работу, собралась встать и не смогла – ноги затекли, не слушаются. Так она, посмеиваясь над собой, как-то боком повалилась на землю, в лежачем положении ноги свободно разогнулись, а дальше, уже с моей помощью, легко поднялась. При этом надо было видеть выражение лица, такое победоносное, славное, будто хотела сказать – безвыходных положений не бывает, в любой ситуации всегда найдется простой и дельный выход.

Не помню случая, чтобы наана принуждала меня молиться или учиться словам алкышей. Если спрошу – отвечала, разъясняла, но не более. В новых условиях и ей приходилось жить с раздвоенным сознанием. «Лишь бы выросла доброй сердцем. Придет время – сама разберется, что ей надо будет в жизни, а чего не надо». Это она обо мне.

СВЕТ ЭТОГО МИРА

Как-то вечером, после того как была переделана вся работа по дому, наана попросила меня рассказать о прошедших на стоянке днях со всеми подробностями.

Мой рассказ начался с того, как дядя Ключюк с больным зубом устроил мне настоящую экскурсию по пойме реки Урсул до большого горного перевала Ябоган, а затем до самой стоянки. Рассказала о поездке на таскыл, а закончила смородиновым кустом.

Бабушка внимательно меня выслушала, часто и одобрительно кивала, а под конец сказала:

– Вот видишь, Торко, тебя хранит твой Бог. Впредь будет так же – ты хранима. Поэтому – ничего не бойся в своей жизни... А об овечках, о том, что от них идет свет, я скажу вот что: свет исходит не только от овечек, а от всего живого, в ком есть дыхание жизни... Так говорил мой отец. А ему – его отец. Он любил говорить: «Четырехкопытные создания – свет этого мира, хребет всей нашей жизни»...

Ложась спать, наана непременно проводила ладонью по постели, легонько взбивала подушку и говорила: «Алтын тѣжѣгим» – «Моя золотая постель». Точно так же (слышала не раз) обращается к своим памятным вещам землячка бабушки, уроженка Каракольской долины, известный на Алтае хирург – Елена Байрымова, Лена-эдьей.

В связи со сказанным вспоминаю еще одну мою землячку, обворожительно женственную Миру Демчинову, уроженку Чуйской долины (это Верхний Алтай). Вот еще кто по-настоящему умеет, не прилагая особого усилия, одухотворить, осветить и украсить свое окружение, будь то малое дитя, взрослый человек, птичка, пролетевшая над головой, домашняя живность или предмет повседневного обихода – словом, все, на чем остановится ее взор, приметит душа.

В этот славный ряд я с большим удовольствием вписываю имя Табыштаай. Он младший из детей старшей сестры нааны – Аркычы. Когда я училась в третьем классе в селе Талду, Табыш-таай приехал зимой из села Каярлык на саях за мной, чтобы я погостила у него на зимних каникулах. Я тогда с большим удивлением вслушивалась в то, как ласково он разговаривал с домашней живностью, награждал каждое животное приметной кличкой. Его жена дьенге Дьиндылей говорила, что у них дома коровы и кобылы предпочитают телиться только в присутствии хозяина. Не начинают свое большое важное дело, пока не увидят его рядом с собой.

Начав воспоминания о моей бабушке, нашей родне и земляках, я много раз сожалела о том, что слишком поздно взялась записывать за ними их высказывания. Как-то все оставляла на потом, полагала, что успею – должно быть, потому, что сама долгое время становилась на ноги, в жизненных борениях обретала себя.

ХОЗЯЙКА «САЛОНА»

Еще одной светозарной личностью в нашем селении была Эртечи-эдьей, мама моей школьной подруги Нины – Эртечи Барзыновна. У нее было еще двое детей – Анна, восьми лет, и Саша, пяти лет. Все трое – суразы (безотцовщина). Рождение суразов было типичным явлением в годы войны и после нее. Много пар попросту

не успевали вовремя оформить брачные документы: в одночасье сваливался призыв на фронт или на тыловые работы. А дети-суразы вопреки всемирному хаосу рождались и рождались. Народ воспринимал такое обстоятельство с веселым оптимизмом: «Богатство-то какое – к человеку прибился еще человек!» Да, вот так, и не иначе. Не в этом ли проявляется непогрешимая мудрость Создателя и бесконечное изобилие природы?..

Семейство Эртечи-эдьей, все вчетвером, проживали в небольшом доме рядом с клубом. Я не зря упоминаю сельский клуб, потому что настоящим клубом в его истинном значении – как культурного центра села являлся дом Эртечи-эдьей, особенно до прибытия нового учителя. В долгие зимние вечера, когда в селе не показывали кино, нас собиралось приблизительно полтора десятка живых душ – детей и взрослых разного возраста. Естественно, подавляющее большинство публики составляли дети.

Посетители старшего возраста, войдя в дом, почти всегда говорили одно и то же: «Пошла теленка посмотреть, смотрю – дым идет, зашла вот к вам...» Или же: «Пошел коня поискать, да вот заглянул к вам...»

Мы, детвора, немедля перемещались со своих мест на другие (сидели мы на большой кошме, расстеленной посреди комнаты), чтобы уступить тёр – место у стола старшему.

– Вот и славно, что зашли! Вы, я знаю, мастерица рассказывать страшилки...

– Да, кое-что умела, да вот память стала сдавать.

– О, это мы сейчас же поправим, – отвечала хозяйка, тут же поднося госте или гостю чашку горячего чая, подбеленного молоком. Пышущий жаром чайник, как постовой на дежурстве, всегда стоял наготове.

Чай подавали только старшим. Но если появлялся кусочек сахара, его раскалывали на равные части по числу присутствующих детей.

В центре обеденного стола неизменно коптила керосиновая лампа со стеклянным пузырем. Мы знали, что керосинка – это временно, что руководство колхоза прикладывает все силы, чтобы в селе загорелась «лампочка Ильича». С недавнего времени вдоль всего селения на равном расстоянии друг от друга уже были выкопаны полутораметровой глубины ямы для электрических столбов. Надо сказать, что они стали сущим бедствием для полуночников – на старой луне в них, бывало, сваливались люди и разная домашняя живность.

Итак, стол венчала керосиновая лампа, жаром пылала печка-буржуйка, кто-нибудь из старших, иногда сама хозяйка, начинали рассказывать сказку, старинное предание или былички из реальной жизни. Так, к примеру, об истории жизни легендарного маймана Тёжюлея я впервые услышала здесь, хотя в то время на упоминание его имени существовало табу: в годы установления советской власти в Горном Алтае он выступил ярым ее противником. Официальная власть называла его бандитом, а народ был полон симпатии и сочувствия. О его бесстрашии ходило много разных баек. Одна из них такая: «Тёжюлей попал в руки красноармейцев, его привязали веревками к дереву и поручили караулить молодому новобранцу, а сами ушли на штурм стратегически важной сопки. Скоро неопытного охранника прямо на боевом посту сморил послеполуденный сон. Тёжюлей не преминул воспользоваться ситуацией, умудрился развязать веревку и сбежать. Но убежал он не просто так, а с триумфом: ту самую веревку, которой был привязан к дереву, смотал в кольцо и аккуратно возложил на грудь спящему охраннику».

Подобных историй было множество, и мы готовы были слушать их бесконечно и с неослабевающим интересом, так как рассказчики – жители села – постоянно менялись, и каждый обставлял знакомую уже историю новыми подробностями и деталями, но, как я теперь понимаю, с одним нюансом: полностью исключались истории, связанные с политическими репрессиями.

Также в доме у Эртечи-эдьей я впервые услышала имя знаменитого бая Алтая Аргымая Кульджина. О нем рассказывали хорошие истории: о том, что еще до революции первым открыл Теньгинскую школу, что первым начал строить красивые деревянные дома, что учимся мы в здании школы, раньше принадлежавшем его сыну Карману, и что, хотя табунам лошадей не знал счета, отличался справедливым нравом. А вот его старшего брата богача Манди люди не щадили, считали, что характер у него был спесивый, нрав крутой. Еще рассказывали, что он мастерски сочинял хулиганские частушки-такпаки, часть из них даже озвучивалась, но только по секрету, на ухо.

Изредка к нам заглядывал наш любимчик Юра. Это ведь он увидел в наших посиделках подобие аристократического салона. Помню, как-то явился со словами: «Только собрался корову подоить, слышу – оконную раму выбило от вашего хохота, до чего же весело живете!» Мы, готовые к любой байке, уже по-настоящему дружно смеемся, а хозяйкин малыш Саша важно топает к окну проверить: правда, что ли, без окна остались? Мы визжим: какой, оказывается, Сашок хозяйственный! Настоящий хозяин растет! А сконфуженный малыш, убедившись, что окно цело, над ним пошутили, бросается с кулачками на шутника – и тот его ловко подбрасывает вверх.

В другой раз: «Только собрался ребеночка покормить, тут опять этот ваш разноголосый хор – не выдержал, сбежал к вам...»

Эртечи-эдьей, посмеиваясь, спрашивает:

– А что же с собой не взял ребеночка-то?

– Вы что?! Как я его подниму, ведь он у меня весит 100 килограммов.

Кто-то из малышей:

– Дядя Юра, а можно посмотреть на ребенка?

– Ну конечно, можно. Хоть завтра, только приведи с собой барашка. Моему сыночку и года нет, а он съедает каждый день по барашку...

Дети постарше уже вновь катаются по полу от смеха – ведь чтобы иметь ребенка, надо вначале жениться, а Юра был холостой.

Мы играли в игры, ныне почти забытые: чаще всего в «Прятание сережки» и «Отгадывание загадок с последующей продажей». Если в первой проигравший должен был выкупить свой фантик через исполнение какого-либо номера (песня, стихотворение, физическое упражнение или любое другое умение), то во второй игре самого нерадивого, самого невежественного из нас, не сумевшего разгадать хотя бы одну загадку, «продавали» какому-нибудь нелепому односельчанину, которому в свое время школьные знания (это было известно всем!) давались со скрипом. Иногда же «продавали» сказочному персонажу, жестокому, коварному, кровожадному, например, семиглавому Дьелбегену.

– Словно с неба упал, словно железом обтесан, – озвучивал кто-нибудь припасенную им загадку.

Бывало, загадки придумывали сами, и весьма удачно. Остальные с мучительными охами принимались отгадывать. В конце первой части игры подводились итоги. Неудачники выставлялись на продажу.

Вторая часть игры сопровождалась громким визгом и хохотом, а то и слезами – никому не хотелось быть проданным в собственность совершенно несимпатичным персонам! Ведь тот из твоего черепа изготовит себе чугунок, из ушей – прихватки, из рук – зерномешалку для приготовления талкана, из ног – костыли и т. п. Это была настоящая театрализованная мистерия, поскольку все до единого были в ней задействованы, роли распределены, каркас импровизированного текста у каждого на слуху, и... никто не мог быть застрахован от неудачи.

Скажу без преувеличения, от таких посиделок эмоции зашкаливали, если еще учесть, что за нашими спинами на беленой стене, как на киноэкране, особой жизнью жили отбрасываемые лампой наши гипертрофированно огромные тени, сотрясавшиеся, увеличивавшиеся или уменьшавшиеся при каждом движении или взрыве смеха.

В такие минуты мы, дети, точно впадали в пограничное состояние. Нам казалось, что раздвинулись стены дома; уплыл, растворился, исчез белый потолок с обязательной перекладиной-маткой посередине, и мы веселой гурьбой взлетаем вверх и несемся по ночному небу на сказочных аргамаках – крылатых конях среди звезд и облаков навстречу своей, еще неясной, но сладостно манящей судьбе.

Как-то я рассказала одноклассникам о том, что летом слушала кай. Конечно, всех заинтересовала: оказалось, кроме взрослых, никому не довелось послушать его. Все тут же захотели познакомиться с кайчы. Буквально через неделю Эртечи-эдьей торжественно объявила, что скоро к нам заглянет Тейчин-ака.

Он действительно вскоре был у нас, но без топшура (музыкального инструмента). Сказал, что в село прибыл по другим делам, что исполнить кай не может, потому что накануне заболел его внучок. В таких случаях кай нельзя исполнять. Зашел извиниться.

Бурный вздох огорчения совсем смутил аксакала, он воочию увидел, а главное, почувствовал, с каким нетерпением ждала, оказывается, детвора его кай.

– Что вы, ака, – воскликнула тут же хозяйка дома. – Ваше исполнение будет только способствовать выздоровлению внука. Недаром же говорят, что Духи больше всего на свете любят кай, и если они останутся довольны, то примутся во всем помогать людям.

Было видно, что услышанное воодушевило старого человека.

– Ты, Эртечи, любого подобьешь на подвиги. Только вот понравится ли моя игра Хозяину? Ведь я занимаюсь каем как любитель.

– О, что вы, Тейчин-ака, вы же знаете: главное, чтобы все делалось от души.

– И то верно, – добродушно улыбнулся аксакал и обратился к одному из нас. – Ну-ка, остроглазый, сбегай к моей дочери, принеси мой топшур.

И пока тот с большой готовностью выскочил за дверь, мы, оставшиеся, немедля сдвинулись с мест, чтобы наш желанный гость прошел к тёр. Эртечи-эдьей поднесла гостю чашку горячего чая. Он захотел его немного остудить. Для этого попросил вторую чашку и стал долго и методично переливать содержимое так, что, казалось, забыл про нас...

Мы терпеливо ждали.

Свое выступление Тейчин-ака предварил такими словами:

– Да простятся мне мои прегрешения, от чистого сердца прошу...

Взгляд вверх.

– Я всего лишь ученик с седой головой и слабой памятью, повторяю то, что слышал в годы юности, и то, что смог запомнить...

Вздых.

А потом прокатилось долгое и протяжное: «О-о-о-о-о-о-о-о-о!...»

И сразу после этого последовал гортанный речитатив, исполненный на одном дыхании:

– Из корня могучего кедра вытесан,
Гудящей кожей обшит,
Пой, топшур мой!
Проворного коня волосы туго натянуты,
Пой, топшур мой!

После этого еще вдох, и:

– Со струнами тугими
Пальцы мои разговор повели,
Пой, топшур мой!
Слабому голосу моему,
Верный топшур, помоги!

После традиционного вступления кайчы исполнил тот самый фрагмент из «Малчи-Мергена», который я слышала на стоянке. Публика сидела так, словно пребывала в ступоре. Естественно, что каждый из нас с первыми звуками унесся в воображаемый мир сказочных героев, страдал и ликовал вместе с ними...

К сожалению, в музыкальной культуре Горного Алтая имя Тёйчин-ака неизвестно: кай для него был хобби – говорил, что играет для себя. Он не выступал публично, так, изредка в присутствии членов семьи или знакомых, и то, если те попросят. Все послевоенное время жил и работал на конеферме, говорили, там и скончался. Однако же память оставил: первым поведал двум десяткам талдинцев о величайшем сказителе Алтая Николае Улагашеве. А это – уже немало.

На всю жизнь мне запомнился человек по имени Дьеерен тем, что хотя его дом находился рядом с «салонем». Видела я его там всего один раз. Он тоже работал табунщиком и постоянно жил в тайге. От него мы услышали притчу-быль про то, что род кыпчаков произошел от Синеи Волчицы и что у каждого алтайского рода имеется свой тёс-прародитель – тотем. К слову сказать, у алтайцев труд табунщика считается самым почетным в скотоводческом деле. Пасти табун лошадей поручается человеку ответственному и обязательно доброму, добродушному по повадкам.

Впервые в доме у Эртечи-эдьей мы, талдинская детвора, услышали шуточную характеристику возраста человека, поэтому, когда приходило время расходиться по домам, кто-нибудь из старших детей объявлял: «Ну а теперь всем щенкам – быстро по домам!» – на что младшие беззлобно огрызались: «Тебе, собаке, в конуру, а нам, щенятам, в мягкую постель, к бабушке под бочок!»

Алтайцы возраст человека образно сравнивали с представителем животного мира или предметами домашнего обихода. Читаю в книге «Земля. Вода.

Хан-Алтай» этнографа Светланы Тюхтеновой: «...в десять лет человек подобен собаке, бегающей без усталости; в двадцать – белке, скачущей с дерева на дерево; в тридцать – волку, преисполненному энергии и мощи; в сорок, когда становится смиренным, спокойным, достигая возраста зрелости, – верблюду; в пятьдесят – преисполнен достоинства, подобно памятнику, в его жизни уже не столько много вещей, неизвестных ему; в шестьдесят – костылю, поскольку он опирается на костыль; в семьдесят – рычагу, потому что стал настолько тяжел, что его приподнимать с места можно только при помощи рычага; в восемьдесят – мешалке, которая находится внутри сосуда (жилья); в девяносто – ступе, стоящей в углу жилища без движения; в сто – яйцу».

Таким образом, получается, что человек в столетнем возрасте возвращается к своему первоначальному дородовому состоянию – зародышу, который и есть начало новой жизни. Так что стоит прожить, да нет, просто необходимо жить все сто лет, чтобы замкнуть собой универсальнейший из природных циклов.

Бывало, на наших посиделках мы получали информацию более сложного характера, к примеру, о различных ипостасях человеческой души – кут: сюр, дьюла, тын, сюне, кёрмёс, узуйт, бук. В этом случае обязательно разгорался спор между взрослой частью публики. Кто-то считал, что в мир иной отправляются все ипостаси вместе, другой предполагал, что только три или шесть и т. д. Надо полагать, данная дискуссия актуализировалась еще больше в связи с невероятным количеством современной информации по эзотерике и множеству уровней ее интерпретации.

А теперь – внимание! Еще один коротенький отрывочек из грандиозного эпоса «Маадай Кара» Алексея Калкина в блистательном переводе Александра Плитченко:

...Его жена Алтын-Тарга
Сидит одна у очага.
Лунообразное лицо
Сияет – золота светлей,
Солнцеобразное лицо
Белеет серебра светлей.
Ясней рассвета – свежесть щек,
И чистый лоб, как холм, высок.
Нагрудник, словно небосвод,
В богатой россыпи камней.
Звезда вечерняя взойдет
И тихо гаснет рядом с ней...

Я не случайно привела этот отрывок с портретом ханши. Дело в том, что внешний облик самой Эртечи-эдьей и ее двух дочерей – Нины и Анны был так прекрасен, так лучезарно одухотворен, что казалось – списан с Алтын-Тарги...

Да, вот так, на свой лад, как понимала и чувствовала, абсолютно бескорыстно ковала, крепила и растила юные души своих земляков, приобщала к азам искусства наша несравненная Эртечи-эдьей, дочь Барзына из рода тодош.

Светлая память и низкий поклон!

ТЕТУШКА ТЮРГЕДЕЙ

Недалеко от моего дома лежала большая куча бревен, завезенных для электрических столбов. Каждый день двое приезжих мужчин острыми топорами обтесывали их, а когда они уходили в клуб на обед, прибегала я, чтобы набрать щепок для растопки дров в печи.

И вот в один из дней прихожу и вижу – на самом верхнем бревне восседает тетушка Тюргедей, мама моего одноклассника Ырыспая, и как-то необычно ласково смотрит на меня.

Я поздоровалась, но женщина настолько сосредоточено рассматривала меня, что не ответила.

«Зачем тетушка Тюргедей забралась так высоко на бревна? – усиленно соображаю я, складывая в специальный тазик щепки. – Зачем пришла, если не собирает щепки?.. И почему так странно смотрит на меня?..»

А женщина по-прежнему не спускает с меня глаз. Вот уже брошена последняя щепка, и время уходить, а я медлю – чувствую, неспроста она тут сидит...

– Торко, балам, – наконец слышу ее дрогнувший голос. – Иди сюда, сядь рядом со мной...

Не смея послушаться, с тазиком в руке, подхожу ближе и сажусь на нижнее бревно. Пауза. Молчим обе. Я мучаюсь вопросом – что ей нужно от меня?..

– Кх-кх, – пытаюсь нарушить неловкую тишину.

– Торкоша, ласточка моя легкокрылая, – наконец раздается приглушенный шепот. – Будешь мне невесткой?..

Я, словно меня хватил столбняк, хватаю ртом воздух, не могу сделать нормальный вдох... И с ужасом вижу, как женщина медленно поднимается, протягивает ко мне руки с лицом серьезным, торжественным, важным...

Я роняю тазик, щепки рассыпаются – я хочу убежать отсюда, бежать и бежать куда-нибудь подальше... И я бегу, убегаю, что есть силы, но не домой, а мимо, в рощу, в укромное место, чтобы побыть одной, пережить услышанное...

От сильного бега, споткнувшись о кочку, падаю в траву. Тут со всех сторон слышу: «Ква-а-ак, ква-ак, ква-ак!» – поднимаю голову и вижу, что распугала лягушек. Здесь болотистый участок, я нарушила покой жильцов. Разглядывая квакушек, вдруг делаю открытие: да ведь все они на одно лицо, и все они – Ырыспай! У него большие, широко расставленные глаза – сходство невероятное! Я развеселилась – теперь знаю, чем буду «доставать» Ырыспая! Дразнясь, пару раз квакнула – лягушки тут же наперебой заверещали, их стало много больше...

На вечерних болотах –
Крик лягушек в ушах.
Не соловушки ведь,
А поди ж ты, как голову кружат!
(Борис Самыков)

Я чувствовала, как кружится голова, как вал эмоций буквально захлестывает все мое существо, хотелось громко, во всю силу легких заквакать в унисон с болотными жителями: «Ква-а-ква-а, квакушки! Я знаю, знаю это всё... Талду, такое странное, такое удивительное, колдовское село, уютно прилепившееся к южному склону горного кряжа Талду Кобы, как много всего ты таишь в себе!..»

Дело в том, что мои опекуны переехали жить в селение Талду, когда я перешла в третий класс, то есть год назад. И, как уже было сказано, в моем классе кроме трех девочек еще учились двое мальчиков. Тетушка Тюргедей и была мамой одного из них – Ырыспая.

Не будет преувеличением, если скажу, что не встречала в своей жизни более чадолюбивую мамашу, чем эта женщина. Она жила вдвоем с сыном в маленькой избе без крыши, неподалеку от школы, на берегу маленькой речушки Талду, берущей начало с верховьев горного кряжа Талду Бажи и впадающей в Урсул. Речка протекала как раз посреди села, к осени – мелела, к весне – разливалась, словом, сельчанам скучать не давала, так как создавала проблему с бродом.

Мои подружки рассказывали, что когда Ырыспай пошел в первый класс, его мама поднималась на заросшую бурьяном крышу своего дома и, приложив ладонь козырьком, обозревала оттуда, не обижает ли кто ее сыночка во время школьных перемен. Если, не дай бог, увидит, что ее чадо толкнули или ударили, тут же прибегала на разборки. В селе над этим потешались, но дружелюбно, потому что знали – так, как тетушка Тюргедей умеет любить, нежить, холить и находить ласковые слова и прозвища для своего сына, никто не может. В этом деле она – непревзойденный мастер, артистка-импровизатор высочайшего уровня, равного ей не найти не только в нашем селе, но во всем районе или даже за его пределами.

Наслушавшись таких разговоров, помню, в теплый весенний вечер я прокрадлась к дому тетушки Тюргедей и приникла к углу коровника. Отсюда, как меня предупредили подружки, можно получить наилучший обзор.

Мама с сыном сидели на крыльце дома в обнимку, грелись в косых лучах уходящего солнца. И тут я услышала: «...Бельчонок мой пушистохвостый, прыжок с кедра на кедр, хрум-хрум острыми зубами кедровую шишку, ням-ням золотисто-белые ядрышки, и вот мой бельчонок уже большой, сильный, ловкий, умный и красивый...» Приблизительно в такой подаче шли образы жеребеночка быстроногого, зайчонка остроухого, мараленка легконогого и далее в ход шли названия остальных домашних и звериных детенышей с их особенными характеристиками и свойствами. На каждое образное сравнение Ырыспай, млея, отзывался: «Еще, мма-а, еще...»

Стоя в своем укрытии, я возмутилась: как не стыдно, парню уже одиннадцатый год пошел, а он, оказывается, такой ненасытный, все еще требует мамкины ласки и всякие там нежности. Осталось только титю попросить! Какой позор! Какой стыд!!! От праведного негодования я пылала жаром. А тетушка Тюргедей, сама не своя от счастья, нежно щекотала голый живот сыночка и поющим голосом продолжала: «...Ягодка ты моя сладкая-пресладкая, ядрышко ореховое – вкусное-превкусное, луковая головка остросочная, табачок накрепчайший...» При этом свободную руку она подносила к тому месту, где находится мошонка, и, сделав легкое хватательное движение, с большой важностью подводила кончики пальцев к своему носу, громко и сладостно «чихала». Даже через ткань штанов ощущала оглушительную силу «табачка».

Люди в селе говорили: «Слушать Тюргедей устанешь, а сама она – никогда...»

И тут случается весьма неожиданное: я вдруг ловлю себя на том, что так бы стояла и слушала сколь угодно долго... Мне не хотелось покидать свое укрытие... «Вот оно что! Вот какие мамы, оказывается, встречаются в жизни», – думаю я.

Что тут скажешь? Да, конечно, все мои близкие – и бабушка, и тети, и дяди, и моя мама, когда была жива, были сдержанными на эмоции, суровыми и немногословными. Слышала, что только Владимир-таай из всей нашей родни непомерно баловал своих детей и одаривал каждого ласковыми прозвищами. Но он имел славу чудака-многоженца, любвеобильного кавалера Урскульской долины, а в качестве фантазера-острослова слыл в своем роде тетужкой Тюргедей, но только в брюках.

Что же делать – природа обильна, щедра и многообразна, и в этом ее неиссякаемая сила.

Послушайте, а я?! А мое детство?! Будто я не была ребенком, будто не заслуживаю ничьей ласки, и мне заведомо отказано в ней, слышала только свое имя, и бабушка еще добавляла – «балам».

Но такова моя хоть и с горчинкой, но все же отнюдь не смертельная пилюля на все мое детство, которую я давным-давно научилась воспринимать с чисто-сердечной благосклонностью.

Впрочем, нет, не я ли сама спровоцировала такое к себе отношение? Как-то раз, когда меня привезли после школы к бабушке на ферму, она сидела возле дома на солнцепеке, грела и обсушивала, как она говаривала, свои «талкулар» (конечности).

Я тихо подбежала сзади, чтобы обнять ее первой, но наана опередила, схватила меня в свои объятия со словами: «О-о, кто у меня сегодня! Золотце прибыло, сиротинушка моя бедная...»

Вот этого бабушке ну никак нельзя было говорить. Я резко оттолкнула ее от себя и твердо отчеканила: «Я – не сирота! Я не хочу этого!», потом добавила: «Вместо мамы буду вас называть мамой!»

Было мне тогда восемь с половиной лет.

После всю свою жизнь я никому не позволяла употреблять по отношению к себе жалостливое слово «сирота» и, как решила, к бабушке обращалась «мама» до тех пор, пока у самой не родился сын...

Итак, в тот день, после истории с щепками вечером в клубе согласно графику кинопоказов киномеханик по имени Ермолай должен был продемонстрировать кино. Перед началом сеанса я взяла из дома небольшой гвоздик, который умещался в ладони, и подговорила своих подруг – Нину и Эркелей проучить Ырыспая за нелепое намерение его мамочки свататься к школьницам. Я понимала, что это он навел маму на такое, с моей точки зрения, возмутительное решение исключительно из-за моих пятерок.

У самого клуба в темноте мы поймали Ырыспая, завязали платком рот и с силой затолкали в одну из ям для электрического столба. Я приставила к животу ненавистного теперь мне мальчика острие гвоздя и пригрозила: «Если еще раз твоя мама вздумает свататься – распорю тебе живот этим ножом, понял?» Для убедительности покрепче надавила на гвоздь. «Пленник» громко вскрикнул. Мы развязали платок. Ырыспай, как мы и ожидали, распустил нюни и, всхлипывая, дал слово, что его мама никогда ко мне не подойдет и никогда не будет больше свататься. Мы милостиво выпустили узника на свободу.

На другой день тетужка Тюргедей встретила меня возле бревен с яростной руганью. Оказывается, насколько эта женщина была мастерица говорить прият-

ное, настолько же сильно умела «выразиться». Мне сделалось больно и горько, обида сдавила сердце – Нинку она не будет ругать – у нее есть мама, Эркелейку тоже не станет – у неё папа, а за меня некому заступиться (бабушка в это время находилась на скотной ферме, в тайге).

Чтобы не показать навернувшиеся на глаза слезы, слизывая с щек солоноватые подтеки, я стала машинально собирать щепки. Не переставая браниться, тетушка Тюргедей подбежала ближе, казалось, вот-вот пустит в ход руки – больше всего ее возмущало то, что я собиралась «пырнуть» ножом в живот ее сыночка. Женщину так и подмывало надавать мне тумачков. «Пусть только попробует!» – злобно фыркаю я про себя и, готовая дать отпор, крепко хватаюсь за края тазика.

– Смотри-ка что! Глазки-то маленькие, а сколько в них злобы! Ну прямо волчонок! – не унимается вредная тетенька.

– А ну-ка, замолкни сейчас же! – вдруг раздается за моей спиной грозный окрик моей тети – эдье Анны.

Ее крупная фигура надежно заслонила меня от возможного рукоприкладства. Помню, что моя преданность родной тете в этот миг подскочила на небывалую доселе высоту и держалась на этой отметке до последней черты ее жизни.

Невозможно забыть и не поддается перу: в тот день две талдинские жительницы выказали такой пилотаж в алтайском словопрении, что у меня не хватает умения его передать.

Блестящий блиц-поединок завершился следующим образом:

– Знаешь что, дорогуша?! Я от всей души, изо всех своих сил делаю большую кучу на голову твоего волчонка, на тебя саму и на твоего криволапого счетовода!!!

Дьесте был ранен в кисть правой руки...

– Ой-и-ий! Да разве твое дерьмо упадет куда ему положено? – немедля ответствовала эдье. – Оно непременно испачкает кого-нибудь!!!

...Я знаю, что Ырыспай стал отцом большого семейства. Он, как и его мама, всю жизнь заботился о своих чадах, а потому, вне всякого сомнения, любвеобильная душа тетушки Тюргедей из далекого небесного простора с ласковой нежностью и вниманием взирает на свое потомство и шлет каждому из них благословение.

КАДЫН-АГА

В теплое время года по вечерам талдинская детвора и молодежь собирались на игровой площадке возле клуба, разбивались на группы и играли – кто в прятки, кто в волейбол, лапту и кажыки-бабки.

Была еще одна игра с двумя командами-антагонистами. Она начиналась с того, что капитан ведущей команды длинной палкой бил по подкинутому вверх мячу. Все остальные члены команды в момент удара срывались с места и бежали к стометровому рубежу. В это время их соперники должны поймать летящий мяч и ударить им в ближайшего бегуна. Тот должен увернуться – если не удастся, команды меняются местами. Выигрывает группа, заработавшая больше очков. В этой игре оттачивался глазомер, точность удара по мячу и живой бегущей мишени, ловкость и проворство в ловле мяча, скорость бега.

Резиновых мячей в ту пору у детей не было, вместо них применяли мячи, изготовленные вручную из шерсти коров. Делались они ранней весной, во время

линьки крупного рогатого скота. Технология была проста: ладонь слегка слюнявили и круговыми движениями водили по спине, бокам и крупу коровы. Старая шерсть легко прилипала к ладони – образовывался вначале крошечный комочек. Снова слюни и снова круговые движения. Так, раз за разом накатывался легкий упругий шарик натурального рыжеватого или бежевого цвета диаметром приблизительно шесть-семь сантиметров.

И вот однажды в самый разгар игры раздался голос:

– Тихо! Отец Эркелей идет!

Неожиданно и малыши, и те, что постарше, прервали игру и устремили взгляды в одну сторону. Я тоже повернулась и вижу: идет высокого роста сухощавый мужчина с сединой в волосах. Идет неспешно, можно сказать, величественно. Вот он позвал к себе девочку по имени Эркелей, мою одноклассницу, что-то ей сказал, она согласно кивнула, и после этого незнакомец окинул нас взглядом, одобрительно кивнул и так же неспешно удалился. Игра возобновилась, стало снова шумно и весело, а я играть не могла – меня, как новичка, заинтересовал вопрос: почему все разом прекратили игру при виде этого человека?..

До сих пор отчетливо помню ту незапланированную мизансцену, при которой, как тогда мне казалось, совершалось что-то очень важное для всех нас, детворы.

Оказывается, Кадын-ага был сыном человека-легенды по имени Кожуйт-майман, яркого приверженца бурханизма [13] на Алтае, организатора большого бурханистского моления в долине Урсула. В юном возрасте ему довелось посетить Тибет, главный город ламаизма Лхасу. Позже, в первые годы революции, по поручению знаменитого на весь Алтай бая Аргымая Кульджина организовал побег, а затем какую-то часть пути сопровождал алтайского художника Григория Гуркина в Туву.

Кадын-ага рано лишился родителей, а затем жены, один растил троих детей. Эркелей – младшая в семье. Короткое время служил на посту председателя колхоза, сельчане о нем говорили: «Выпущенная им пуля цели достигает, сказанному слову верен бывает. Ему дорогу не пересекают, его речь не прерывают». В связи с этим мне вспоминается мой любимый мультфильм «Бэмби», а в нем сцена, где рядом с ликующе танцующими молодыми оленями появляется отец Бэмби. Так же, как и талдинская детвора, лесные обитатели со смиренным почтением замирают на месте при появлении царственного вождя оленей.

Любому человеку свойственно мифологизировать далекое прошлое. Допускаю, что и в моих заметках подобный факт присутствует. И все же нельзя не признать: люди моего детства – фигуры крупные, личности цельные, с твердыми этическими правилами, познавшие цену добра и зла на примере своей многострадальной и трудной жизни.

Когда при очередной поездке к бабушке я рассказала о случае с Кадын-ага, то получила следующее пояснение:

– Дорогу не пересекают, речь не прерывают не только Кадын-ага, но всем, кто старше тебя, и в особенности – старым людям, потому что у старика кут находится впереди него. Невидимый кут как бы расчищает хозяину путь, тем самым подготавливая и приближая его к последнему неизбежному рубежу. А когда кто-нибудь из молодых переходит дорогу такому человеку, кут старого может ненароком оказаться перед дерзким, непочтительным юнцом, не подозревающим о своей

оплошности, и повести того по дороге, идущей в иной мир. В это самое время кут молодого остается со стариком – это значит, что тому еще на какое-то время продлевается жизнь. Но в конце концов куты разберутся в том, что вышла ошибка, и, естественно, захотят ее исправить, если не окажется, что уже поздно...

Кут, как одна из ипостасей человеческой души, бессмертен, для Него земная кончина – это всего лишь переход из одних ворот в другие, из этого Алтая в тот Алтай; это путь домой, к предкам, к родителям, родным и близким людям. Бояться нечего и незачем. И все же бесконечно печально и грустно, когда человек покидает этот мир. Но горше всего, когда такое происходит в расцвете сил молодого человека или в младенчестве.

Рассказывали, что когда у Кожуйт-маймана скончался его друг, единоведец по бурханизму, похоронами распоряжался он сам. Перед тем как закрыть крышку гроба и понести покойника к месту погребения, молодой Кожуйт попросил односельчан поднять гроб на высоту поднятых рук и затем спокойно и твердо сказал: «Вот твое Синее Небо. Вот твоя Земля-Вода. Вот твой дом, родные и близкие, друзья и соратники, мы все скорбим, провожаем тебя в путь, откуда не возвращаются. Иди и не оглядывайся. Отныне и навсегда пусть твоя спина будет повернута к нам, а бессмертный кут твой пусть безошибочно достигнет страны предков. Уходишь ты от нас совсем молодым, однако тебе нельзя скорбеть, печалиться и плакать – значит, ты нужен там, будешь помощником в божьих делах, станешь небесной защитой для семьи и народа, тебя породившего. Кайрокоон баш!» «Кайрокоон баш!» – глотая слезы, вторили ему все, кто присутствовал на похоронах.

ДВЕ ПОДРУГИ

В конце своей жизни, уже на пенсии, в селе Шибее, что рядом с Талду, жили две подруги – Пагай и Алгыйчи. Первая любила рассказывать разные житейские истории, а вторая умела слушать. Обе они когда-то были симпатичными дивчинами, однако замужем никогда не были – их юные годы совпали с послевоенным временем, потенциальных женихов забрала война.

Пагай долгое время работала на Семинском перевале, выполняла разную работу на животноводческой ферме. Алгыйчи доводилась золовкой моей эдье Анне и с малых лет почти до выхода на пенсию работала в селе Кызыл-Тан.

Когда сегодня поднимаешься на Семинский перевал, то на его южном склоне вдоль Чуйского тракта взору открывается ложбина, сплошь усеянная почерневшими от времени пнями. Будучи ученицей областной национальной средней школы Горно-Алтайска, я, каждый раз на каникулах проезжая через знаменитый перевал, помню, досадовала на то, что эти уродливые пни портят красивый горный пейзаж. Неужели, возмущалась я, нельзя было рубить деревья подальше от дороги, от людского глаза. Трудно, что ли, было перевалить через небольшой бугор и там, в некотором отдалении, заготавливать дрова?! И вот что мне открылось по поводу этих самых пней немного позже.

Как-то я гостила у тети Алгыйчи в селе Шибее. К ней заглянула ее задушевная подруга тетя Пагай и, увидев гостью из города, с большой охотой включилась в разговор. Тетя Пагай говорила легко и свободно, без всякого усилия подбирала самые точные и нужные слова, речь ее текла ровно и спокойно, словно полноводная река на равнинной местности. В тот раз она вспомнила о годах работы

на Семинском перевале в самом конце войны. Там находилась кыштуу-зимовка крупного рогатого скота Талдинской фермы. Тете Пагай тогда исполнилось 16 лет, и она работала дояркой. Как же, совсем взрослая! Уже можно доить по 20 коров каждый вечер и утро со скрюченными от мороза пальцами! Доились-то они тогда вручную.

Был конец зимы. Кончились дрова. На ферме не было ни одного мужчины. Четыре женщины и Пагай вместе с ними взялись за пилы, топоры, и вперед – валить деревья! Однако в тот год снега выпало так много, что уйти подальше от тракта не было никакой возможности: ноги утопали в глубоких сугробах, силы уходили на их преодоление, вот и пришлось валить деревья, растущие рядом. «Рубили и плакали, рубили и плакали!» – горестно рассказывала тетя Пагай. «Как же не плакать, зимой, в холод, да еще слабым, обессиленным женщинам выполнять мужскую работу, мыслимо ли такое!» – сочувственно отозвалась я, и тут же услышала: «Нет-нет, плакали не от холода и работы, мы ведь привычны к ним, плакали от жалости к молоденьким деревцам. Они красиво росли вдоль дороги, были отрадой людским глазам, напоминали юность и молодость их жизни, а мы их безжалостно рубили. На большие старые деревья силенок-то не хватало, вот мы и губили молодняк».

Да, после такого случайно услышанного откровения было о чем задуматься. Кто-то чужой, совершенно тебе незнакомый, у которого ты из его хозяйства не брал даже сломанную иголку, вероломно приходит к тебе домой, чтобы отнять все, что у тебя есть, и даже твою жизнь. Не брезгует ничем. Губит миллионы жизней без всякой жалости и пощады. Его эгоизму чужды подобные «сантименты». А что в итоге? Кто-нибудь вспомнит добрым словом о жестоком варваре? Если ненавистное имя и вспомнится, то с содроганием, если леденящие душу злодейства перечислятся, то только с ужасом, отвращением или холодным равнодушием, а вот в доброй памяти будет отказано навсегда. А простую девушку-доярку по имени Пагай кто-нибудь да вспомнит, кто-нибудь да помянет, и в молитвах своих попросит для нее место у Божьего Престола.

Так было всегда и, вне всякого сомнения, пребудет вечно, пока длится род человеческий.

УЧУК-ТАШ

Не знаю, помнит ли ныне кто-нибудь из жителей Талды рассказ о страшном потопе, случившемся на Алтае в седой древности, а вот шесть десятков лет тому назад в селе помнили. Главным фигурантом в этой истории выступала высокая, несколько вытянутая в длину сопка под названием Учук-Таш (если перевести дословно с алтайского – нить-камень, или сухожилие камня). Сопка эта, если на нее посмотреть с восточной стороны (можно и с западной, со стороны села Шибее), имеет форму неправильной трапеции, ее крутой склон начинается в Талду Кобы и полого заканчивается у шоссе.

Так вот, Сергей Адучинович, наш учитель, услышав о том, что на вершине Учук-Таша до сего времени сохранился остов древнего сала – плота, на котором от наводнения спаслись люди, пожелал на него взглянуть.

На следующий день, поднявшись с учителем на самую высокую точку сопки, мы действительно увидели на небольшой промерзлой площадке два скрещенных под прямым углом полусгнивших от времени бревна диаметром около 25 сантиме-

тров и длиной примерно метр-полтора. Все остальное превратилось в древесную труху, местами поросшую мелким мхом, и плавно тянулось к краю обрыва. Бревна также были частично покрыты мхом, из-под которого проглядывала прогнившая древесина красновато-бурого цвета: стоило дотронуться, и она рассыпалась в мелкое крошево. Сергей Адучинович немедля запретил прикасаться к бревнам, сказал, что это, должно быть, действительно остатки древнего плота, и что в следующий раз возьмет с собой фотоаппарат и сделает снимок. «Этот небольшой уголок от плота сохранился благодаря вечной мерзлоте. Видите, под мхом лед, здесь высокогорье – солнечным лучам не удастся его прогреть», – предположил учитель, и с ним нельзя было не согласиться, потому что мы стояли, обдуваемые со всех сторон промозглым ветром. Здесь все еще чувствовался запах снега и зимы, хотя низина сопки и долина вокруг уже покрылись весенней зеленью.

Хотя по первому впечатлению трудно было что-либо сказать о размере плота, однако, исходя из величины самой площадки, на которой застрял приплывший плот, можно было определить, что был он небольшим, не более трех с половиной метров с каждой стороны. И спастись на нем могли лишь несколько человек.

А теперь представим, вообразим, какое отчаянье, какую вселенскую тоску испытывали те немногие спасшиеся от стихийного бедствия одиночки: все, что у них было – родные и близкие, дом со всем имуществом и живностью ушли под воду или унеслись вместе с ней, чтобы найти погребение на дне океана. На них самих – только то, в чем они находились в момент внезапной катастрофы. Их отчаянно мало, едва наберется десяток душ, а может, и того меньше. Впереди – полнейшая неизвестность, отсутствие какой-либо связи и никакой надежды на помощь... Что делают в такой ситуации? Трудно сказать. Наверное, поначалу каждый пребывает в состоянии некоего беспамятства, тотальной прострации и безмолвия... Но вот кто-то один дотрагивается до плеча ближайшего соседа – мол, вроде мы еще живые, дышим... Тот отвечает тем же... Аа-а, вот оно что, мы действительно еще живы, еще не умерли... В этот сокровенный час каждый индивид делается для другого беспредельно дорогим и бесценным, и тогда, как результат непомерно тяжелого душевного переживания, рождается великое знание: «человек богат человеком».

Горстка спасшихся людей напрягает все душевные и физические силы, чтобы собрать себя заново, приноровиться к новым обстоятельствам, найти пути к выживанию. А они такие непростые! Ведь под рукой нет ничего из самых необходимых вещей по хозяйству. Люди вспоминают все, что знали и умели, но ведь чтобы выточить хотя бы простую ложку, нужен нож. А чтобы сделать нож, необходима сталь. Где взять элементарные вещи по хозяйству в условиях абсолютного пренебрежения действительности? Каким образом возможно восстановить хотя бы малую ее часть?..

Кто знает, может, использование каменных орудий труда связано с такими вот обстоятельствами.

Горы, на вершине которых люди спаслись, постепенно становятся объектом поклонения, священной родовой горой. Их на Алтае много. И не из страха перед силами природы поклоняются алтайцы святыням, как это описывается в литературе дореволюционного и советского периодов, а из чувства благодарности, и старшее поколение, насколько возможно, стремится передать это изначальное чувство потомкам.

Такое трепетное, почтительно-благодарное отношение к человеку вообще и к родной земле у моих земляков проявляется сильнее всего. Я не к тому, чтобы превозносить свой народ. Такое – не в характере алтайцев, не типично для нашего менталитета. Мной движет простое человеческое любопытство, желание понять, почему мы, алтайцы, такие, а не другие. Например, почему так вышло, что мои земляки живут на белом свете с беспримерно бережным отношением к природе? Откуда идет столь повышенная экологическая осознанность? Отчего родная земля – Алтай имеет тысячи и сто тысяч возвышенно-ласковых имен и наименований? Какая сила побудила сказать: «Видели закат, увидим и восход»?

У казахского поэта Олжаса Сулейменова есть высказывание: «Чтобы узнать свой народ, я прочитал тысячи книг». С этой же целью и мне понадобилось покорпеть над полсотней книг, и, должна признаться, то, что было усвоено в устных рассказах в детстве, по силе воздействия ничуть не уступает прочитанному. Это две очень разные, не тождественные друг другу, но, по сути, равновеликие субстанции, в которых книга дает фиксацию описываемых событий, а устное изложение допускает их вариации; письмо закрепляет знания на долгие времена, а устный рассказ, вовремя не переданный новому поколению, увы, прерывается.

В нашем фольклоре существует предание об алтайской грамоте – книге, которую якобы съела корова. В разное время мне довелось ознакомиться с двумя книжными вариантами, оба предельно короткие и похожие на тот, что я слышала в «салоне» Эртечи-эдьей. В нем речь шла о том, что когда-то давно у алтайцев была книга. Но потом пришла корова и съела ее. После алтайцы приспособились жить без нее.

Мы, дети, со смеху катались по полу – вот так да, оказывается, у нас была книга, а корова пришла и съела ее! И мы остались без книги! Какое же это зловерное существо, что лишило алтайцев книги! И как же мы позволили такому случиться?! Завтра же проверим – дадим корове на корм старый ненужный учебник.

Конечно, из нашей затеи ничего не вышло – милое рогатое существо даже наотпак не проявило интереса к поднесенному «корму».

Вечером взрослая часть «салона» высмеяла нас – книги древности не могли быть изготовлены из бумаги, только из дерева, камня, кожи и, может, еще из войлока.

Выходит, нужно сделать еще попытку – предложить коровам ветхое кожаное изделие, ведь дерево и камень будут им не по зубам. Тут «старики» и вовсе рассердились, и стали говорить странные вещи о том, что корова – создание Эрлика, что у нее холодное дыхание, что, должно быть, под коровой подразумевается что-то другое... Но что – другое?.. В «салоне» Эртечи-эдьей вопрос остался открытым. И только спустя годы для меня раскрылось табуированное значение многих фольклорных текстов. Действительно, алтайская мифология корову относит к созданиям Эрлика, поскольку она является существом с холодным дыханием и олицетворяет собой водную стихию. Отсюда можно сделать вывод, что книгу съела не корова, а вода – конкретно, потоп, случившийся в седой древности [14].

Чрезвычайно интересной предстала для меня мысль, вычитанная из книги казахского культуролога Зиры Наурзбаевой «Четыре облака», посвященной выдающимся деятелям казахского народа, тем, кто создавал историю Казахстана. В главе о Таласбеке Асемкулове, ссылаясь на одно из его исследований «Легенда о легенде, или Несколько мыслей о происхождении устной культуры», автор пи-

шет: «...Таласбек, опираясь на теорию катастрофизма, вводит понятие “эвакуация традиции”. В глубокой древности, много тысячелетий назад наша культура была письменной. Но когда ей грозила смерть вследствие прогнозируемых природных катастроф, была разработана особая мнемотехника, и подготовленные люди выучивали наизусть огромные тексты, в которых в символической форме передавались древние знания о человеке, обществе, мире. Так появились люди-книги и устная культура. Концепция эта напоминает роман Р. Брэдбери “451 градус по Фаренгейту” и кажется фантастичной. Но автор находит в природе устной культуры, в фольклорных текстах убедительные доводы в ее пользу».

Да, у знаменитого фантаста люди становятся ходячими книгами: кто-то один полностью заучивает текст конкретного произведения, второй вбирает в себя содержание книги другого автора, третий берется за следующего. Так, цепочка за цепочкой, образуется целое брэдбериевское сообщество, противостоящее варварскому процессу уничтожения книг мировой классики сумасбродами от власти, которым, со всей очевидностью, было удобно управлять публикой нечитающей, недумающей, не анализирующей сложившийся порядок явлений, а значит, не выражающей недовольство...

И хотя у Брэдбери люди-книги появляются не в силу природного катаклизма, а по причине социально-идеологического маразма, суть явления остается общей: чтобы не превратиться в примитивное существо, чтобы сохранить наработанные веками знание и традицию, мыслящая часть человечества старалась находить способы бытия, достойные высокого имени человека.

Здесь уместно вспомнить о том, какое колоссальное количество знаний хранила память всех известных на Алтае кайчы – сказителей. К примеру, алтайское эпическое сказание «Маадай-Кара» содержит семь с половиной тысяч стихотворных строк. Да, но ведь Алексей Калкин знал на память еще множество других сказаний, сказок и легенд.

Вот он, живой пример человека-книги...

ПРО БЕССМЕРТНУЮ ДУШУ И КАРМУ

Для любого подростка рано или поздно наступает время, когда он задается вопросом: «Кто я? Зачем родился? Для чего живу?»

Не миновали вопросы и меня. Естественно, ответов не находила, хотя бабушкина точка зрения уже существовала: «Люди рождаются, чтобы помогать друг другу. Твоя эдье и дьесте помогают тебе вырасти, стать человеком; учителя помогают, чтобы стала грамотной; врачи, чтобы была здоровой; а ты, когда вырастешь, будешь помогать своим детям и еще людям, которым нужна будет твоя помощь».

Но разве такой ответ (при всей его универсальности!) мог кого-нибудь удовлетворить в раннюю пору жизни? К тому же по мере взросления вопросы сыпятся лавиной: «Почему одни люди добрые и участливые, а другие – нет? Почему в одной и той же семье кто-то из детей рождается умным, а другой не совсем? Почему к одним детям родители участливы, а к другим равнодушны? Почему одни живут счастливо, а других преследует несчастье? Почему кому-то симпатизируешь, а иного – глаза б не видели? Почему кто-то умирает в детстве или даже в младенчестве, а другой доживает до глубокой старости?» и т. д.

Впервые под прессом множества «почему?» я оказалась, когда мне пошел четырнадцатый год. Мои опекуны в то время переехали жить в село Ело, и я стала учиться в шестом классе местной семилетки. А поводом к раздумьям послужило следующее событие. В моем классе училась девочка по имени Шура. Она жила вдвоем с матерью в маленьком доме рядом со зданием интерната (единственная двухэтажная деревянная постройка, до революции принадлежавшая богачу Манди Кульджину).

Шура была девочка особенная – лучистые карие глаза и хрупкая фигура счастливо сочетались с крепким, не по-детски твердым характером. А еще она рисовала, писала масляными красками пейзажи – виды родного селения Ело и окрестности Чемала, известного тем, что там находился всесоюзный лечебный санаторий. Мама Шуры регулярно два раза в году отвозила дочь в этот санаторий. Там девочка с десятилетнего возраста осваивала азы живописания в свободное от лечебных процедур время.

Дело в том, что Шура была больна туберкулезом. Тогда эту болезнь не вылечивали. И лучезарнейшую девочку моего детства вместе с ее красками и картинками (понадобятся на том свете) положили в гробик... И ее не стало...

А жизнь, словно ничего не случилось, продолжалась – на следующий день без опоздания взойшло солнце, дети весело носились по двору школы, взрослые спокойно, по-будничному переговаривались, куры кудахтали, собаки гоняли кошек...

Я приходила к другой моей однокласснице по имени Дьилек, подруге детства, и у нее в сенках под шум реки мы вдвоем плакали. Как очень точно выразил подобное состояние мудрейший из поэтов – «становились старше на одну печаль» (Кайсын Кулиев).

Говорят, я не плакала, когда соседская девочка нечаянно проговорила о смерти моей мамы – чересчур велика была боль для маленького человеческого сердца. Также не плакала, когда хоронили годовалую племянницу Люду, а затем Лиду, первенцев моих эдье и дьесте – детская душа не хотела принимать злую правду: казалось, вот скоро сестры вернутся, держась за руки моей мамы...

О Шуре горевала безутешно – стойкая, жизнелюбивая, умная, красивая, талантливая девочка Шура не должна была быть погребенной в 12 лет. И никто не мог сказать слова утешения, любые доводы повисали в воздухе как никчемные.

По алтайской традиционной философии человек приходит в этот мир для продолжения рода человеческого. Воспроизвести потомство, поставить детей на ноги, из рук внуков и правнуков покормиться и со спокойной совестью уйти в страну предков – вот задача его жизни.

Но бывает так, что смерть наступает в раннем возрасте – в таких случаях причину надо было видеть в предках: кто-то из них (вплоть до седьмого колена) своими неразумными действиями, бесчеловечным поведением навлек на свое потомство эту кару. И тогда происходит непоправимое: обрывается связующее звено, и даже может оказаться прерванной жизнь могучего и сильного рода, существовавшего веками.

Разумеется, в подобном объяснении имеется свой резон, но он не охватывает всю полноту проблемы. Здесь налицо отсутствие личной ответственности: «виноват кто-то из предков, а не я». Или хуже того, виновным оказывается Бог: «все

в руках Божьих, Он воздаст милость, Он же и карает». Так принято думать. Так легче живется. Проще всего – не загружать себя вопросами. Я так и делала, пока однажды, на четвертом десятке лет, не прочитала следующие строки в одном очень древнем сочинении: «Не было такого времени, когда бы не существовал Я, ты... и в будущем никто из нас не перестанет существовать» [15]. В нём говорилось, что полной смерти нет, умирает только тело, а душа переходит из одной формы бытия в другую. Смерть есть новое рождение, переход из одного энергетического состояния в другое. То есть земная кончина, столь тяжело и трагично воспринимаемая каждым из нас, по сути своей является воротами к новым жизням с их бесконечными открытиями, знаниями и личным ростом.

И хотя о бессмертной душе говорится во всех религиозных учениях, в том числе и в алтайском (жизнь в стране предков), но там отсутствует момент развития: в каком возрасте и облике человек пришел на вечную родину, в таком и пребывает на бессрочные времена. Пришел стариком, им и будет. Пришел молодым – сохранит вечную молодость. Был увечным – с этим и остается. А если это грудничковый младенец, беспомощный сосунок, как с ним быть? Найдется ли бессрочная няня? Но, допустим, найдется, тогда каково ей ухаживать за существом, не выказывающим ни малейшего признака роста? В череде вопросов возникает следующий: «Можно ли быть утешенным подобной перспективой? Можно ли согласиться с тем, к примеру, чтобы здоровый крепкий мужчина всю свою единственную земную жизнь гонял футбол? И больше ничего!!! А если сердце жаждет окунуться во многие другие виды человеческой деятельности? Ему что – категорически это запрещено под предлогом одной-единственной земной жизни? Можно ли с этим жить?»

Естественно, нет. Поэтому внутренне воодушевилась лишь тогда, когда ознакомилась (в общих чертах) с буддистским учением о многократных земных и ментальных перевоплощениях человеческой души.

Раннюю кончину буддизм объясняет кармическим долгом, это значит, что в предыдущей жизни на земле душа совершила тяжкий грех. Само слово «карма» означает действие, имеющее последствие.

Каждое действие имеет прошлое, которое привело к нему, имеет будущее, которое произойдет из него. Толчок действию дает желание в виде мысли, мотивирующей любой поступок. Таким образом, желание, мысль и деятельность являют собой становой хребет человеческой жизни. Но желание желанию рознь – одно может быть направлено на созидание, а другое на разрушение. Бесполезно сеять зло, а взамен надеяться получить благо. Это и есть карма – справедливый закон человеческой жизнедеятельности. Этот закон рождает спокойное отношение к разного рода превратностям: человек в своих несчастьях ропщет уже не на Бога и своих предков, а на самого себя, потому что понимает – все, что происходит с ним, есть результат его желаний, мыслей и поступков в прошлых жизнях, а также нынешней.

...Не страх посмертной пустоты
За нашей жизнью и делами,
А беспредельные мечты,
Неограниченность желаний...
(Алексей Куладжи)

Мне нравится знать, что человек приходит в эту жизнь как ученик на определенный урок: вот сейчас, в этой жизни, допустим, – математика, после нее в следующий приход – литература, затем история, география и прочие нужные учебные дисциплины. В конце множества жизней выходит обогащенная знаниями персона. В соответствии с ними в последующих жизнях выбирается определенный вид деятельности. И если в разных жизнях ему довелось каждый раз с большой отдачей трудиться в какой-нибудь одной области, к примеру, в музыке (переписчик нот, барабанщик, певец, пианист, скрипач, концертмейстер, капельмейстер, дирижер), то в итоге рождается Моцарт. Разве не толковое объяснение? Иначе каким образом можно растолковать феномен гения, то есть то, что в пять лет гений музыки концертировал как пианист, а в девять – написал свою первую оперу?

После каждого пребывания на Земле человек возвращается в невидимый тонкий мир с телом и одеждой из тончайшей материи. Здесь он встречается со своими предками и теми, с кем сподобился общаться на земле. Считается, что не здесь сводятся старые счеты – ибо тут присутствует другой уровень ментальности и энергетики. Непогашенные в земной жизни кармические разборки продолжатся, когда индивид в новом физическом и духовном обличье явится на землю.

В тонком же мире весь жизненный опыт преобразуется в умственные и нравственные силы индивида: ошибки сделают его пронизательным; страдания сублимируются в выдержку и терпение; плохие поступки и грехи перерастают в отвращение к ним; усердие и трудолюбие – в новые способности; добрые дела – в сияние святости. Теперь он готов к новому уровню познания и совершенствования, а это значит, что готов прийти снова на землю или подняться на последующие уровни в иных мирах.

Так совершается огранка личности в течение бесконечно многих циклов воплощения и развоплощения в бесконечном пространстве и времени, никогда не прерываясь и не останавливаясь, подобно тому, как ни на секунду не остается неподвижной Вселенная.

СКАЗКИ, СНЫ И МЕЧТЫ

Здесь же в селе Ело получила начало дружба, длящаяся вот уже седьмой десяток лет. Мы с Дьяжый учились в семилетней школе: я в шестом, Маша (русское имя моей подруги) – классом старше. Она жила в интернате, в ее родном селении Каярлык (соседнее с нашим) не было семилетки.

Память сохранила четко и ясно первый день нашего знакомства. А было это так. Наша школа и двухэтажное здание интерната находились у самого берега реки, и учащиеся на большой перемене имели привычку убегать в рощу: там можно было наткнуться на редкие кусты черной и красной смородины, черемухи и костяники, да и просто размяться. Зимой удавалось полакомиться ягодами боярышника.

В одну из таких пробежек я увидела смуглую девочку с прутиком в руке. Им она чертила по песку. Подбежав ближе, увидела рисунок птицы с широко раскинутыми крыльями. Не обращая на меня внимания, девочка продолжала занятие: теперь на крыльях птицы появились квадратики и треугольники. На мой недоуменный вопрос, к чему птице геометрические фигуры, ответила: «Это мое село Каярлык на спине Кан-Кереде».

Я была ошеломлена, да нет, оглушена услышаным. Казалось, в этот момент все вокруг куда-то исчезло, и только где-то высоко наверху трепетали могучие крылья сказочной мифической птицы Кан-Кереде, а на ее спине покоилось родное селение этой удивительной девочки.

Вот так, сама того не ведая, я получила первый урок по искусству, по его преобразующему видимый мир свойству. Если моя соклассница Шура с помощью красок отображала окружающую действительность, передавала неповторимую особенность увиденного, то Дьяжый из разных элементов мира сотворяла новый преображенный образ. Эти два фундаментальных свойства искусства, как два крыла могучего Кан-Кереде, равновелики и равнозначны, и нельзя, отринув одно, предпочесть другое – полет прервется.

Много времени прошло с того дня, уже не помню дальнейшую цепочку реплик, но привязала меня моя подруга к себе накрепко и на всю жизнь. Оказалось, что в ее селении также живет сказочница, к которой, как пчелки на мед, слеталась детвора и вкушала в самом начале своей жизни самое необходимое и благодатное для детского сердца, невидимую глазу субстанцию, трансформирующуюся затем в бесценный багаж, в импринтинговые образы, главный источник творческой деятельности.

Когда Дьяжый после окончания семи классов сообщила, что продолжит учебу в городе, в областной национальной средней школе (ОНСШ), и будет жить в интернате при ней, я не захотела на целый год оставаться без нее: сделала от руки копию своей ведомости за шестой класс, взяла справку о семейном положении в сельсовете и все это вместе с сопроводительным заявлением (с просьбой о зачислении на учебу в 7-й класс) отправила по почте директору ОНСШ. Вскоре, получив положительный ответ, стала одной из учениц престижной школы, известной как кузница алтайской интеллигенции.

Моя вовсе не многословная подруга не переставала удивлять меня на всех этапах нашей дружбы. Помню, когда мы жили в одном доме на Жилмассиве (микрорайон в Горно-Алтайске), Маша с семьей на пятом этаже, а я на втором, мы встречались непременно у нее в «Поднебесье». Ведь, казалось бы, спуститься на второй легче, чем подняться на пятый, но нет, притянутая магнетической силой взаимного дружелюбия, я снова и снова оказывалась наверху. Точно так же было, когда подруга стала жить на горе Байат: как только позволяли обстоятельства, поднималась к ее дому и с замиранием сердца вслушивалась во все, что она говорила. Например, такое: «Сегодня в городе будут хоронить кого-то, у кого внезапно остановится сердце. Видела сон».

Сны Дьяжый видит с безошибочной точностью. Прошлым летом звоню ей, а она: «Что там у тебя случилось? Видела сон. Безрадостный, скажу тебе»... Естественно, как всегда, поражаюсь тому, что сон приснился день в день с событием, весьма неприятным для меня.

И все же главной скрепляющей силой в наших отношениях, я считаю, было и остается умение мечтать. Поэтому летучая фраза: «Мечта окрыляет человека, дает ему силу для полета» – это не просто красивая риторика, а посыл к действию, неотъемлемая часть жизни. Немецкая пословица: «Кто не мечтает о невозможном, тот не достигнет возможного» – это про нас с Машей. Мы мечтали закончить десятилетку и поступить в вузы с художественным и театральным уклоном, грезили заниматься любимым делом и быть полезными своему народу. Несмотря на множество разного рода препятствий, обе добились своего, выучились, трудились, не покладая рук,

сделали посильный вклад в культурный фонд своего региона, Дьажый – как художник, я – как режиссер анимационного кино. И хотя многое из задуманного осталось неосуществленным, нам не в чем себя упрекнуть – мы сделали все, что было в наших силах. Пусть теперь другие осмелятся так же бесстрашно мечтать, пусть другие дерзают и сделают все возможное, чтобы в конце сказать: «Я сделала это!»...

ПЛАКАС

Учеба в ОНСШ мне давалась легко. Уже тогда я посещала драматический кружок, которым руководила учительница русского языка и литературы Зоя Сергеевна Казагачева, первоклассный специалист своего дела и большая поклонница театрального искусства.

В старших классах русскую литературу нам давала прелестная молодая учительница Раиса Атвасовна Палкина, которую мы всем классом немедленно прозвали Татьяной Лариной.

Классная руководительница, учительница алтайского языка Елизавета Санатовна Алчубаева всей душой стремилась вложить в нас чувство патриотизма, ответственного отношения к учебе и чести. Должна сказать, что коллектив учителей в нашей школе был очень сильный, каждый из преподавателей сиял, словно кусочек драгоценного камня в короне из золота, коей была для нас наша школа.

Уверена, в памяти многих воспитанниц интерната сохранился строгий образ Марии Павловны Востягиной. «Лошадушки-телятушки, просыпайтесь, не то опоздаете на завтрак!» – будила она нас по утрам. В течение целого учебного года нам, школьницам, начиная с пятого класса, она заменяла родителей, приучала к собранности и порядку.

Вместе с моей соклассницей Карагыс Ялбаковой (юная певунья из Шибее) я закончила четыре класса музыкальной школы по классу скрипки. В то время обучение музыке и другим художественным навыкам было бесплатное. Все вместе стало подспорьем в будущей профессии режиссера-мультипликатора.

Директора школы-интерната Василия Константиновича Плакаса мы все: и ученики, и учителя боготворили. Это был Великий Учитель. Всю свою энергию, знания и опыт он отдавал ученикам, и одновременно умел быть наставником для молодых педагогов. Он был люб и дорог каждому из нас, потому что учил мечтать, дерзать и действовать.

Кому другому пришла бы идея устраивать в школе просмотры кинофильмов и мультфильмов в субботу после занятий? Для этого он пристроил кинобудку с кинопроектором к спортивному залу и каким-то неведомым путем доставал копии фильмов и мультфильмов студий «Мосфильм» и «Союзмультфильм». Можно сказать, что тут я и подседа на наркотик, называемый ныне «анимационное кино».

После просмотра кинофильмов директор устраивал в актовом зале второго этажа танцевальные вечера. В первую очередь в ходу был вальс, затем – краковяк, полька, «конькобежцы», к выпускному году (1963 г.) мы уже пытались исполнить фигуры из запретных чарльстона и твиста, но как-нибудь втихую, чтобы не застукали дежурные учителя. Таким образом, навыки танцев и сопутствующий им этикет мы, школьницы, получили своевременно и с большой пользой для себя.

Кроме танцев, регулярно по праздникам давались концерты силами самих учащихся. В школе ходили легенды о выпускнице Нелли-Эльзе Тозыяк, сумев-

шей в своих выступлениях блестяще сочетать вокал с танцами. Впоследствии я видела Эльзу на сцене: при миниатюрном телосложении она обладала сильным, чудным контральто и грациозной пластикой. В связи с семейным положением артистка жила и работала в Новосибирске, в тамошней филармонии, много гастролировала по стране и любое выступление начинала с поэтического монолога о своей родине – Хан-Алтае.

Для выпускников Василий Константинович придумал еще один обязательный ритуал. Накануне получения аттестата зрелости весь класс вместе с преподавателем географии размещался в кузове грузовой машины ГАЗ-51, сам Василий Константинович садился в кабину рядом с водителем, и все вместе отправлялись на краткосрочную экскурсию в какой-нибудь район Горного Алтая. Все ради того, чтобы увиденное и прочувствованное еще сильнее привязало нас к родной земле. Так, я с выпускниками 63-го года побывала на семи Каракольских озерах недалеко от Чемала.

И вот что интересно: оказывается, Василий Константинович был близко знаком с Григорием Ивановичем Чорос-Гуркиным. Это было время, когда опальный художник, вернувшись из эмиграции, какое-то время квартировал в Горно-Алтайске, а потом с разрешения властей поселился в собственном доме в селении Анос. Молодой Василий Плакас, будучи сотрудником Чемальского аймачного руководства, должен был осуществлять надзор над репатриантом-художником. Однако вместо контроля случилась дружба: даже большая разница в возрасте не стала помехой в общении. Старший товарищ успел заразить младшего мечтой об открытии школы искусств. Рисунок здания такой школы можно увидеть в графических работах художника с его пометкой на полях: «Мой долг, мои задачи и планы». Там же, в Аносе, Гуркин знакомит юного друга с Зоей Никифоровой, дочь известное просветителя, талантливого переводчика алтайских сказок на русский язык Николая Яковлевича Никифорова (он из рода эличек), проживавшего по соседству с художником. Зоя Никифорова и стала единственной и бесценной супругой Василия Константиновича, родила ему трех сыновей. Эти сведения я получила от среднего сына супругов Александра Васильевича Плакаса, когда на Горно-Алтайском телевидении в 2001 году снимала видеопередачу об Учителе.

Должно быть (теперь это можно только предположить), безвинная насильственная смерть Художника в 1937 году поразила сердце его почитателя-друга настолько, что тот навсегда оставил госслужбу и целиком отдался учительской работе. Иначе почему после одного из очередных отчетных концертов в доме культуры (я тогда сыграла на скрипке ученический этюд) Василий Константинович подошел ко мне, похвалил и сказал: «Учись, хорошо учись, будешь преподавать в школе искусств»? Дело в том, что такой школы в области в то время еще не было. Значит, в душе, в помыслах своих он носил эту мечту.

ПЕРЕЛОМНЫЙ МОМЕНТ

После окончания вуза я пришла работать в дом культуры родного Горно-Алтайска. Начала с народного театра, затем стала режиссером концертно-эстрадного бюро. С актерской труппой этого коллектива осуществила две постановки: «Медвежий лог» по пьесе Михаила Кильчичакова с художественным руководителем А. Д. Никитиным и «В ночь лунного затмения» Мустая Карима.

Работу сценографа во втором спектакле провел мой дорогой супруг, Флобер Темиргалиевич Муканов. Учитывая, что театр держится главным образом за счет гастролей по области и Алтайскому краю, он сделал весьма удачное, лаконичное и образное сценическое оформление в стиле минимализма.

В историю алтайской культуры Флобер Темиргалиевич войдет еще одной знаменательной работой в качестве художника-постановщика, только на этот раз в области анимационного кино. Речь идет о первом алтайском мультфильме «Шелковая Кисточка», отснятом на материале одноименной алтайской народной сказки на киностудии «Казахфильм» в 1977 году...

С огромным пиететом Флобер относился ко всему, что касалось Алтая. Как-то, помню, возмутился, что приезжающие, все как один, видят лишь красоту природы Алтая. «Но это не достоинство – восторгаться тем, что очевидно, – говорил он. – Люди Алтая, вот кем надо восхищаться, ведь это они своей культурой, скромным аскетическим образом жизни, особой философией пантеиста сумели сохранить леса и живность своей земли для потомков!»

Думаю, что с мнением Флобера согласится любой любитель туризма, поскольку сам туризм для этого и существует – обогащает и утончает представление о своем окружении, побуждает к более чуткому и внимательному отношению к миру.

В горах Алтая Бог благоволит.
Не говори, что Богом край забыт.
Благослови присутствие души –
Ее не буква, дух животворит.
(Александра Зыкова)

В самом начале трудовой деятельности у меня случилось ужасно досадное обстоятельство – я не смогла найти общего языка с актерами. Мы не понимали друг друга: казалось, быстрее дойдешь до столбняка, чем разберешься в умонастроениях и художественных предпочтениях актерской братии. Актеров надо любить, а я не любила. После поняла, что дело было не в них, а во мне самой, в том, что с малых лет «облучившись» магией мультфильмов студии Диснея и «Союзмультфильма», находясь под обаянием этого вида искусства, я подспудно грезилась им, желала трудиться в нем.

Это был сложный, переломный момент жизни – нужно было сделать выбор, и я его сделала.

После двух лет работы в театральном коллективе я переехала жить в Казахстан, в Алма-Ату, на родину мужа. А в первых числах января 1975 года прибыла в киностудию «Казахфильм» на заранее договоренную встречу с художественным руководителем казахской мультипликации Аменом Абжановичем Хайдаровым. Цель моего визита состояла в том, чтобы устроиться на работу в мультцех. Мой муж, студент-дипломник, находившийся в это время в Алма-Ате на зимних каникулах, вызвался пойти со мной для поддержки. До поступления на отделение сценографии школы-студии при Московском художественном академическом театре (МХАТе) он четыре года проработал в первых мультипликационных фильмах Хайдарова в качестве художника-мультипликатора.

Амен Абжанович без всякого энтузиазма просмотрел мои документы, так же нехотя задал обычные в таких случаях вопросы, а затем спросил, по какой причине

я решила оставить свою деятельность в театре. Я ответила, что с самого детства любила мультфильмы, что мечтала работать в мультипликации, но поскольку сама я не рисую, повзрослев, распрощалась с детскими мечтаниями и поступила в театральный вуз. Теперь же, когда в жизнь вошла кукольная анимация, мне снова не дает покоя этот вид деятельности.

– Все это похвально, – ответствовал Хайдаров, – но у меня в цехе нет свободного места. Поэтому не обижайся, я тебя принять не могу.

Отказ был сделан не терпящим возражения тоном – добавить к сказанному было попросту нечего.

– Вы не знаете, какая она усидчивая, трудолюбивая и ответственная, – пытался прийти на выручку Флобер.

Но Хайдаров красноречиво развел руками, мол, всё – разговор окончен, подошел к себе стопку подпергаментных бумаг с мультипликатором и сосредоточено стал их листать.

Мы встали и пошли к двери. Флобер от беспомощного негодования выскочил в коридор первым. Я же в полной растерянности остановилась перед дверью, потом вдруг полуобернулась лицом к строгому руководителю казахской мультипликации, сама не пойму, как это получилось, и выдохнула:

– А я бы осталась здесь даже в качестве мышки. Ночью, когда все разойдется по домам, нюхала бы краски, шуршала подпергаментной бумагой и с тихой радостью рассматривала рисунки художников.

И тут я увидела, как Хайдаров с живым интересом поднял голову из-за кипы бумаг:

– Знаешь что, позвони мне месяца через два – что-нибудь придумаем.

Я была на небесах от счастья.

Через два месяца я была принята на работу в качестве ассистента художника-мультипликатора. И хотя заработная плата была мизерной, муж – студент, а сын детского возраста, меня это мало смущало: я получила нечто большее – редкую и счастливую возможность на практике обучиться желанной профессии.

А вот как бабушка прокомментировала мой отъезд в Казахстан: «Уезжаешь, значит... Так решила... Теперь опять будешь жить вдали от родных и близких, на земле людей совсем другого образа жизни... Что ж, так тому и быть: повторишь судьбу своей прапрабабушки, заплатишь долг.

Приедешь на место – постарайся найти себе в друзья старшую по возрасту женщину. Советуйся с ней».

И все, ни слова о себе, ни одного упрека об обязанностях взрослой внучки по отношению к наане, которой уже пошел восьмой десяток лет.

РОДОСЛОВНАЯ НААНЫ

В целом духовный строй бабушки, центрального образа этого повествования, можно сказать, очерчен, но все не могу приступить к главной драме ее жизни. А для этого необходимо обратиться к истокам.

Семейное предание гласит, что наш предок по линии нааны с именем Кулурак в десятилетнем возрасте был выкуплен алтайцем-ямщиком по имени Палка за мешок муки у русского коллеги.

Мальчик оказался круглым сиротой, себя называл каким-то странным именем, не русским и не алтайским, а еще называл принадлежность к роду – кыпчак и к нему добавлял также незнакомое слово «мамлюк». Труднопроизносимое имя алтайцы заменили на Кулурак (означает «Белая мука»), а вот имя рода – это свято! – оставили, как есть – кыпчак. Незнакомое слово «мамлюк» в памяти сохранили, несмотря на то, что никто не мог его растолковать.

И вот прошло какое-то время, и тюркскому миру открылось значение слова «мамлюк» – египетский конный воин тюркского происхождения.

Но как житель Египта мог попасть в такую даль, как Горный Алтай?

Обратились к истории мамлюков. Оказалось, что когда Наполеон начал завоевательные войны, то, будучи в Египте, сформировал себе личную воинскую гвардию из мамлюков. А когда в 1812 году в России потерпел поражение, то часть его солдат была пленена и сослана в Сибирь, в числе которых, по-видимому, были и мамлюки.

Осталось сопоставить даты по родословной бабушки. Каждому поколению дали в среднем 30 лет. Три поколения мужчин: Кулурак – Дьяак – Санаа. Если сложить всё вместе, получается около 90 лет. По документам, первый ребенок Санаа, сын Кахту, родился в 1888 году, дочь Биле (моя бабушка) родилась в 1902 году (сама она говорила, что родилась в год кабана, зимой, это, выходит, был 1899-й).

Гипотетически сопоставленные факты выглядят приемлемо, возможно, так и было. Но это вовсе не означает, что мы, потомки кыпчака-мамлюка Кулурака, в эту версию целиком уверовали и успокоились. Нет, мы готовы и открыты тому, что могут появиться другие доводы и сведения. А пока только констатируем, что в числе потомков нашего загадочного пращура возьмет да и появится джигит почти двухметрового роста или же с арабской смуглотой во внешнем облике, иссиня-черными глазами и кучерявой головой. (О Дьяаке известно, что он был двухметрового роста и имел кучерявую шевелюру, причем волосы свивались в мелкие колечки.)

Наана наотрез отказывалась вспоминать годы, связанные с раскулачиванием, репрессиями и войной. Попытка выспросить что-нибудь о ее жизни этого периода всегда оборачивалась пустой затеей. Зато если вдруг надумывала рассказать о годах юности – словно красочный фейерверк высвечивал картины и образы прошлого.

Можно считать, что больше других она рассказывала о своей бабушке. Вот один из рассказов. Ее бабушка, а моя прапрабабушка была казашкой из рода керей. Случилось это так. Когда единственному сыну Кулурака Дьяаку (Якову) пришло время жениться, то на калым нечего было дать. Как-то он с двумя братьями-таайлар поехал далеко в Степь (бабушкино определение) по торговым делам. Возвращаясь, на пути братья увидели девочку примерно восьми-девяти лет. У неё были каштановые волосы, молочно-белый цвет кожи и светло-карие глаза. Поселение людей – казахские войлочные юрты виднелись достаточно далеко.

Тогда старший из таайлар, долго не раздумывая, вплотную подъехал к девочке, быстрым движением зажал ей рот, ловко подсадил к себе в седло и со всего маха помчался от того места. Остальные двое ринулись следом. Чтобы спохватившиеся о пропаже и кинувшиеся в погоню не достали их, спрятались по дороге в потайной надежной пещере. Но за девочкой никто не ехал, и на третьи сутки таайлар вышли из укрытия и благополучно прибыли домой.

В пещере братья с горечью обнаружили, что девочка слепа. Возвращать не стали – Дьяак уже привязался к ней. Ей надели золотые сережки (знак помолвки) и до совершеннолетия отдали в семью старшего таай. У них она нянчила детей.

Естественно, девочка очень скучала по родителям, сестрам и братьям, тайно плакала и пела необычайно грустные песни своего народа. Вот слова одной из песен, которую прозаическим текстом воспроизвела моя бабушка, а я, сверяя за-помнившиеся ей образы со старинными казахскими песнями, обнаружила в книге «Антология казахских народных песен» сходный текст:

О, сестра, золотая сестра моя! Я приехал тебя повидать
Из родного аула, где остались отец твой и мать.
Я приехал, чтобы нежно обнять тебя, дважды обнять.

О, сестра, золотая сестра моя! Ты – березовый лист,
Сорвавшийся с ветки, ты в пустыне – кулана следы.
И теперь на чужбине ты, полна красоты и тоски.

В связи с беспокойным временем только через десять лет, уже с двумя своими детьми, мои прапрадедушка и прапрабабушка сумели приехать с дарами и с повинной к своей казахской родне. Те хоть и свыклись с утратой, однако, несмотря на статус, отец семейства был привязан к столбу и побит плетью, но не сильно. Кража невест, если в ней повинешься и если хозяйка новой семьи не имеет жалобы, в те времена не считалась большим прегрешением.

Какое-то время родство поддерживалось с обеих сторон, но в лихие годы революции и после связь была прервана.

Бабушка особо отмечала, что выкраденная девочка из рода керей оказалась настоящим кладом. В первый же год ее появления в семействе кыпчака Кулуурака начались удивительные перемены: овцы стали приносить по двое ягнят, нежеревые кобылицы регулярно жеребились, то же самое случилось с рогатым скотом, так что скоро в семью пришел достаток.

Надо отметить, что Люда-таай, дочь Кахтунова Каска Кыпчаковича, об истории женитьбы наших общих предков по линии кыпчаков имеет свою версию, которую слышала от дяди Романа Кыпчаковича. Она считает, что слепая девочка-казашка была женой не Дьяака (Якова), а Кулуурака, и что была она очень крупного телосложения, поэтому ей дали имя Межелик (Сопка).

Если бы это сообщение мне довелось услышать раньше, когда были живы бабушка и ее ровесники, расспросила бы их подробнее. А теперь, когда их нет, кто прольет свет на далекие полузабытые события, кто рассеет сомнения и спорные обстоятельства? Получается, уже некому – слишком поздно взялась за воспоминания, и теперь остается только сказать: не забыть бы зафиксировать хоть то, что мне известно.

МЛАДШАЯ ЖЕНА

Бабушка была третьим ребенком в семье, поскребышем, и отец, когда ездил из урочища Боочи на ярмарку в большое селение Онгудай, всегда брал ее с собой. Там ей давал возможность выбрать наряды для себя и старшей сестры Аркычы.

У нааны был хороший вкус: собранные ею шанкы (накосники) признавались самыми нарядными – они издавали особенный звон. В те времена на вечерних молодежных играх при полной луне женихи даже узнавали своих невест издали по звону шанкы.

До двадцатых годов прошлого столетия алтайцы жили не селениями, а отдельными семьями по горным урочищам и долинам. И когда объявлялись молодежные игры, юноши и девушки прибывали на условленное заранее место с разных урочищ. В основном там и знакомились.

Бабушке исполнилось 15 лет, когда ей приглянулся симпатичный парень из урочища Кулады в верховье реки Каракол и из рода кёёл-майман. Чувство было взаимное и сильное. «У меня будто дыхание останавливалось, когда я его видела хотя бы издали, а уж когда заговорит, словно растворялась – будто нет меня», – призналась она однажды.

Однако родители не одобрили выбор – неимущий жених, и выдали дочь за ровню, богатого человека по имени Санаа из рода телес, проживающего в урочище реки Каярлык. Впоследствии там образовалось селение Каярлык.

Санаа уже жил с двумя женами, однако детей не было ни от первой, ни от второй. С третьей повезло – наана забеременела.

Как-то в присутствии моей подруги родом из Каярлыка бабушка, вспоминая свое короткое тамошнее пребывание, обмолвилась, что внешность ее первого мужа Санаа была ужасно некрасивой. «Радуйся, что хоть вы с братом не унаследовали его неказистость», – кивнула она тогда в мою сторону.

Для меня, с подросткового возраста начавшей переживать тайный комплекс антикрасавицы: невысокий рост, плотное телосложение, ношение очков, – невзначай оброненные бабушкины слова явились чем-то вроде горькой отравы. Да, именно в тот день, проводив подругу, помню, говорила себе в зеркало: «Хорошо, что хоть такая на белом свете живу. Оказывается, могло быть хуже».

К счастью, скоро досадные юношеские комплексы развеялись – нашелся человек, мужчина, разглядевший в невзрачном горном цветке тандалай (эдельвейсе) его красоту и своеобразие.

Позже мне довелось услышать от разных людей – пожилых каярлыкцев о внешнем облике и характере моего дедушки. Все сходились на том, что Чачияков Санаа, хоть и далек был от эталона красоты, однако в общении был чрезвычайно обаятельным и дружелюбным человеком. «До тех пор, пока он молчит, на него действительно не обращаешь внимания. Но стоит ему заговорить, он сразу становится центром всеобщего внимания», – отозвалась о нем его землячка, впоследствии жительница села Ело, мама Алевтины Постоевой, моей ровесницы по национальной школе. Тогда я поняла, что предвзятое мнение моей бабушки было продиктовано тем, что ее выдали замуж против воли. Она видела в ненавистном муже один лишь негатив.

У алтайца старшая жена наделяется правом руководить младшими женами, бесправными существами, и бабушка с первых дней почувствовала этот гнет. Помню, как-то, рассказывая о разнообразной пользе листика подорожника, она ненароком вспомнила, как на второй же день ее пребывания в роли младшей старшая «невзначай» облила ей руку кипятком, и бабушка благодаря бака дьалбырак (это алтайское название подорожника) вылечила обширный ожог. «Вот смотри, даже следа не осталось, – говорила она, веером разворачивая передо мной кисть правой руки. – Тяжело вспоминать горькое прошлое, но помнить необходимо».

Горечь насильного замужества усугубилась еще тем, что не дремал вездесущий «узун кулак» («длинное ухо»). Когда слухи о вечерних играх при луне с молодым человеком, да еще ненавистным коммунарком, перевалили горный хребет, разъяренный муж схватился за плетку. Однако же он и не подозревал, какого нрава была его молодуха-жена – она вырвалась от него и убежала из дому. Навсегда. Недаром была горячих кыпчакских кровей: «Было чрезмерно обидно, и я восстала. Не дала ему себя побить».

Бежала одна, в чем была, с собой ничего съестного. Благо была осень, день стоял ясный, солнечный, пробиралась вдоль реки Каярлык до нынешнего села Ело (в то время там находилось всего несколько юрт, два дома известного на Алтае богача Манди: большой двухэтажный и поменьше – одноэтажный). «Мое сердце не дрогнуло даже тогда, когда в урочище Шибелик проходила в полукилометре от места молебствия, тагыла телесов». В то время молебствие проводилось не возле реки, как сейчас, а на сопке, из которой бил маленький родничок (ныне это место игр Эль-Ойын, а родник высох уже давно). Там бабушка вместе с мужем и его старшими женами принимала участие в качестве шабы на молебствиях «Зеленая листва» и «Желтая листва».

Неподалеку от тагыла проходит горный перевал из урочища Шибелик в урочище Боочи, место проживания родителей бабушки. Благополучно пройдя перевал с густым таежным лесом, ближе к ночи она явилась в родной дом. Таким образом, одна, без сопровождения, прошла расстояние, примерно равное двадцати километрам, по таежной горной местности. На мой вопрос: «А волков и медведей не боялись?» – она ответила: «В тот момент у меня страха не было. К тому же кыпчаки свой род ведут от волков, они бы меня не тронули». Помню, это заявление удивляло меня больше всего: «Как это – не тронули бы?.. Зверь – и не тронул бы?!»

«Камень, куда его бросят, там и лежит. Девушка, куда выдадут замуж, там и остается навсегда» – гласит алтайская поговорка. Будь времена старые, бабушку вернули бы назад к мужу. Но это было начало двадцатых годов двадцатого столетия – Советская власть со всей решимостью наводила на Алтае новые порядки. А в урочище Кулады (это близ Боочи) уже была организована одна из первых коммун.

Здесь бабушка второй раз вышла замуж, теперь уже за своего возлюбленного, куладинского коммунара Кокулева Мендеша. Однако же и на этот раз она получила незавидный статус младшей жены: к этому времени второй муж бабушки Мендеш уже был женат, и звалась его жена Кюдьей. Детей от этого брака не было.

К началу зимы 1924 года в семье Кокулевых появилась девочка, ей дали имя Дьанылай, что означало «Новизна». Стала девочка носить фамилию, образованную от имени отчима, – Мендешева. Однако род алтайцы неизменно оставляют тот, от которого ребенок произошел. Мамина родословная идет от телеса с именем Санаа Чачияков. В своих молитвах я обращаюсь к дедушке – Санаа-таадам.

АБА КЁКУЛ

Ведя рассказ о бабушке, нельзя обойти одну легендарную личность, оказавшую огромное влияние на ее мировосприятие. Это ее свекор по имени Кёкул из рода кёгёл-майман, полное его имя – Адыбаев Кёкул Дьылтырович. По тем временам, вспоминала моя бабушка, он был образованным человеком: читал

«Судур Бичик» («Сутра»), следовательно, мог называться судурчи, знал четыре языка: китайский (кыдат тил), тувинский (соен тил), монгольский (калка тил) и немного говорил по-русски.

К приходу бабушки в семью Адыбаевых «Судур Бичик» уже не было. По поводу этой книги таай Кючлюк рассказал мне следующее: «Когда случился очередной бандитский набег на стойбища алтайцев, вся мужская часть населения встала на оборону. В большой спешке молодой Аба положил “Судур Бичик” в кожаный мешок, крепко обвязал веревкой и поручил 16-летнему немому от роду парню подняться на гору и там в надежном месте спрятать книгу. Сам устремился вслед за повстанцами. Когда разбойничьи разборки закончились, и наступило относительно мирное время, хватились книги, однако найти ее не смогли, потому что немой не мог вспомнить точное место хранения. “Судур Бичик” искали всем населением близлежащих урочищ, но не нашли. Ее хозяин сильно сокрушался, горько сетовал: “Без «Судур» нам всем придется очень плохо – теперь мужская часть рода майманов постоянно будет отсиживать часть своей вольной жизни в кату дьер (тюрьме)”. И вот ведь, как сказал Аба (у алтайцев так почтительно обращаются к отцу, старшему человеку), так потом все и случилось – большая часть майманов или отсидела в тюрьме, или была убита насильно», – горько сетовал таай Кючлюк. Сам он в самом расцвете сил по трагической случайности был осужден на двенадцать лет и, как он говорил, отсидел в кату дьер от звонка до звонка, в течение всего срока выполнял обязанности повара.

Уже на пенсии, имея прекрасного сына и невестку, он захотел жить в Каракольском доме ветеранов. Ему нужна была публика – шутками и прибаутками он сыпал словно из рога изобилия. Оформился туда как сын репрессированного (1937 г.).

Последний раз я виделась с таай в 2010 году летом у эдье Анны. Я приехала с гостями-сватами из Алматы. Мы многое тогда вспомнили. Когда перед отъездом, попрощавшись, вместе с гостями села в машину, и мы тронулись в путь, дядя Кючлюк жестом показал водителю, чтобы тот остановился. Я решила, что забыли что-нибудь из вещей. Однако у дяди в руках ничего не было, он подбежал к машине и мне в окно сказал: «Знаешь, Торко, ты для своего возраста выглядишь молодцом, нет морщин. Про меня люди тоже так говорят. И все время спрашивают, каким кремом пользуюсь. А я отвечаю: “Солидоллом, конечно! А еще чем?!”» Такое вот дорожное напутствие. Мы от души посмеялись, и я весь обратный путь занимала путников историями из своей чабанской жизни у моего жизнелюбивого таай.

К слову, имя Кючлюк было дано дяде его дедом, однако обращались к нему по имени Кючюк. По словам бабушки, в новой ее семье первые две девочки, родившиеся после моей мамы, умерли в годовалом возрасте. Поэтому когда родился четвертый ребенок – мальчик, то таайлар для отвода сглаза и порчи нарекли новорожденного невзрачным именем Кючюк, что означает «щенок». Естественно, в своих воспоминаниях я выбрала для любимого дяди имя, данное ему самим Аба.

Другой мой таай по имени Владимир, младший из сыновей бабушки, рассказывал, что Аба обладал пророческим даром.

Дело было еще до революции. Как-то богач Манди, старший брат Аргымая Кульджина, в пору расцвета жизненных сил и неслыханного приумножения богатства обратился к своему ровеснику-майману с дерзким вызовом:

– Ну, Кёкул, тебе ведь не привыкать к вранью. Это – все, что ты умеешь... Давай, выкладывай свою очередную байку, а я послушаю, что ты сочинишь на этот раз.

Кёкул:

– Если возьмусь, как ты говоришь, за враньё, – выдержишь?

Манди:

– Валяй.

Кёкул:

– Ну, тогда слушай и не обижайся, и не говори, что не слышал, и помни – я говорю об этом без тени злорадства... Итак, вот что я знаю: все твое огромное, как гора, имущество скоро станет достоянием бедняков, все несметные богатства уйдут к твоим батракам. Твою шелковую шубу будет носить бедняк из бедняков, а в двухэтажном доме твоём будут играть его дети.

Манди:

– Кто внушил тебе это враньё?

Кёкул:

– Об этом было начертано в книге «Судур» много-много веков назад, а еще... еще знает сердце...

Случившиеся позже события подтвердили предсказание судурчи. Все так и произошло.

Бабушка дала мне два толкования имени Кёкул. Первое – чуб или коса, оставляемые на макушке головы. Вокруг кёкуля волосы сбивались. Его носили только представители сильного пола с момента инициации в 12 лет. А второе значение – сын Неба.

ПРИТЧА АБА КЁКУЛЯ

С небольшой редакцией воспроизвожу притчу Аба Кёкуля, рассказанную бабушкой.

У молодых людей, независимо от того, девушка это или парень, порой возникает неразрешимый узел проблем, таких, что кажется, самый лучший способ – это уйти от них, покончив с собой, мол, нет человека, нет проблем.

Один юноша решил так и сделать. Он поднялся на высокую скалу, подошел к самому краю обрыва, отрешенным взглядом окинул холодное пустое небо, равнодушные горные хребты и серую каменистую ложбину там, внизу... А потом рывок, и... Но что-то его задержало, отбросило назад...

Молодой человек увидел перед собой дряхлого старичка: «Погоди, милый, погоди немного. Совершить задуманное ты всегда успеешь – времени у тебя полно. А вот у меня его уже нет. Поэтому, сынок, отдай сначала мне свои светоносные глаза (они тебе уже ни к чему!), отдай белоснежные зубы (у меня, видишь, ни одного нет!), отдай молодое, брызжущее энергией сердце, отдай проворные руки и ноги, после – поступай, как знаешь».

С этими словами старик ухватился за край одежды юноши, норовя дотянуться до глаз. Тот насилу оторвался от клешней старика и бросился бежать вниз по косягу. Через какое-то время, опомнившись, побежал назад, чтобы забрать к себе домой немощного человека. Однако, придя на прежнее место, никого не нашел.

Кто это был? Или, точнее, что это было?..

Рассказывают, что Аба Кёкул также владел ораторским даром. Это ему принадлежит знаменитое на весь Алтай изречение: «Пока мясо в тепши (деревянное блюдо) не увижу, нож не выну; пока губернатора в лицо не увижу, речь готовить не буду».

Или вот еще его высказывание о представителях рода майман: «Трудятся до тех пор, пока глаза из орбит не вылезут, а когда вылезут – заткнут за пояс и продолжат работу, пока не закончат начатое дело».

О нем самом люди говорили так: «Хоть с куст высотой – все равно дерево, хоть ростом с подойник – все равно Кёкул».

По-видимому, Аба Кёкул, будучи велик душой, ростом не вышел: все природные жизненные силы ушли на огранку духовных дарований.

В каракольской долине старшее поколение жителей по сей день помнит славное имя земляка-куладинца...

ТЮРЬМА

Была ранняя весна. Война подходила к концу. Колхоз готовился к весенней страде.

Бабушка с двумя другими женщинами в колхозном амбаре чистили начавшее «гореть» семенное зерно.

Дома у каждой из них голодные дети.

У нааны вдобавок к пятерым подрастала еще одна девочка – Пана, Павлина, родившаяся в сорок третьем году от мужчины из рода тодош с фамилией Чекурашев. Она была сураз. Это значит, что в ее метрике о рождении в графе «отец» отсутствует запись.

Наана вспоминала, что в тот день, перед тем как случилась беда, она, рассказывая о забавных проделках своей маленькой, не по годам смышленной дочурки, изображала ее жесты и мимику так, что рассмешила остальных женщин. Под конец одна из них, утирая слезы, воскликнула: «Ой-и-и-й! Что-то много смеемся – к добру бы!»

Перед уходом с работы из подпорченной кучи положили себе в карманы зерна в надежде на то, что долгая варка разрушит вредную плесень, а детям будет похлебка.

Они были почти у дома, когда их нагнал управляющий. Верхов с коня, на глазах детей, он стал стегать их кнутом и погнал к зданию сельсовета. Здесь, при свидетелях, он потребовал, чтобы женщины вывернули карманы. После этого всех троих судили за «кражу колхозного имущества в условиях военного времени» и каждой дали по году тюремного срока. Отбывали они его под Барнаулом, доили коров в большом мясомолочном хозяйстве.

Совпадение это или случайность – две женщины были вдовами репрессированных при красном терроре, а самая молодая по имени Арадьанчи приходилась сестрой врагу советской власти Ташкинову Тёжюлею. Из всех троих только Арадьанчи немного разговаривала по-русски. Она, как умела, выполняла роль толмача у женщин «без языка», а когда кончился срок отсидки, благодаря ей же все трое нашли дорогу домой.

К этому времени моя мама, окончив учительские курсы, работала в школе села Эзендик, затем в Абае и Банном. Она взяла к себе девятилетнюю сестренку Байрым. Кючлюк (14 лет) и Анна (12 лет) уже с самого начала войны работали в

колхозе, выполняли, что придется, в основном чабанили. Семилетнего Владимира забрала к себе на воспитание ее тетя по отцу Бачым. У неё он остался жить до самой женитьбы.

Годовалую Пану взяла к себе вдова покойного репрессированного Кахту (старшего брата нааны). У нее она и выросла, хотя у той на руках росли трое сыновей-подростков, а два старших ушли на фронт. Хозяйку семейства звали Тонкур. Славная она была женщина. Моя мама величала ее – Большая сноха, имея в виду не только физические данные, но в первую очередь беспрекословный авторитет, каким она пользовалась у сельчан и в своей семье. После Большая сноха с сыном Каска приютили мою маму с двумя детьми, когда мама, тяжело заболев, оставила работу в далеком селении Банное и вернулась к своей родне в Кызыл-Тан.

Наана после тюрьмы работала вначале дояркой на колхозной ферме, а после телятницей. В селе появлялась редко. Так до самой пенсии по старости она жила в таежной местности, вдали от людей, одна выполняя норму двух работников.

Словом, лиха хватила сполна...

И вот напрашивается вполне логичное предположение: наана должна была бы возненавидеть своих обидчиков, явных и косвенных. Но нет же, ни к кому она не питала ненависти. Во всяком случае, внешне это никак не проявлялось. Все, кто ее знал, общался, подтвердят мои слова. Никто не видел и не слышал от нее слов возмущения, гнева и обиды на протяжении долгих лет ее жизни.

В психологии существует понятие ресентимента. Это чувство, поясняют психологи, возникает у людей, не обладающих способностью изменить внешние обстоятельства, которые угнетают их существование. Вследствие этого оно зачастую ломает человека, порождая разного рода комплексы, в первую очередь вызывая чувство униженности, забитости, никчемности. Если ему поддаться, растет и ширится чувство мести. А от него прямая дорога к человеконенавистничеству.

Вот уж чего не скажешь о Биле Кыпчаковне, дочери Санаа. Да, она не могла, не в ее силах было изменить хоть что-нибудь из происходящего вокруг. Однако она нашла в себе силы быть выше злобной мести. «Кто хочет унижить других, унижает себя. Меня никто не обижал и не унижал, так и знай», – как-то обронила она в сердцах при моем очередном расспросе. И только слово «коммунист» неизменно произносила с сильным нажимом на буквы «у» и «м», так что получалось – «ку-уммунист». Такой вот своеобразный выпад в адрес непригожих ей персон. Значит ли это, что бабушка простила обиды своим недругам? Уверена – нет, хотя умение прощать считается великим даром. В глубине души она, конечно же, помнила все, не забыла ничего и знала – рано или поздно грянет час возмездия для любого несправедного деяния, каждый получит по заслугам. Наана словно бы владела тайным ключом, неким кодом, позволяющим бесстрашно и безошибочно отворять ворота собственной судьбы и быть самодостаточной при любом ее раскладе.

КЫПЧАКСКАЯ КРАСАВИЦА

Наана была красива. Сохранилась ее фотография: безупречно правильный, без двойного подбородка и старческих складок овал лица (это в 70 лет по документам, а фактически в 75); большие карие глаза с внимательным, мягким взглядом; губы, словно лепестки пиона; и фигура в форме гитары – узкие плечи и широкие бедра. «Моя перси-перси-персияночка», обращалась я к ней в минуты особой нежности.

Про густоту своих волос она говорила, что в заплетенном виде ее две длинные косы, каждая отдельно, имели толщину запястья. Чтобы не мешали спать, ей приходилось брать ножницы и выстригать за ушами большой пучок волос. Кстати, лучшим шампунем для волос у нее была сыворотка.

С точки зрения классической красоты, лицо чуть «портили» слегка припухлый нос и брови, лишенные четкого разлета ласточкиных крыльев. Однако эти помехи ничуть не мешали статусу красавицы.

Помню, поэт Борис Укачин, узнав, что ко мне в город приехала жить моя бабушка, выразил желание повидать ее. Он родом из села Каярлык, а тамошние жители, оказывается, помнили, что хоть короткое время, но среди них жила кыпчакская красавица Биле...

Будучи на пенсии, в 70-летнем возрасте наана умудрилась еще понянчиться с пятью правнуками и правнучками. С их рук пила чай, а это значит, говорят казахи, на том свете она будет жить в раю...

Однажды летом Тейчин-ака оставил на бабушкиной стоянке свой топшур, на время. В его отсутствие бабушка со словами: «Когда-то играла на нем, может, вспомню что-нибудь из того, что умела...» – взяла инструмент в руки, осмотрела со всех сторон и села на свое любимое место у печки.

Я в то лето после пятого класса трудилась вместе с бабушкой – ухаживала за поздно родившимися и слабыми телятами. И вот пожалуйста, неожиданно свалившийся подарок, у нас в доме – топшур. При звуках любого музыкального инструмента я забывала обо всем на свете, только музыка и больше ничего. Надо отметить, бабушка не подвела, безо всякого труда, будто делала это каждый день, легко и свободно заиграла. Она исполнила две мелодии, два варианта алтайского дьанар. Они мне были знакомы, поэтому я принялась подпевать. Бабушка прислушалась к моему «вокалу», похвалила, сказала, что у меня хороший слух, однако на мое предложение спеть вместе отрицательно качнула головой, встала, положила топшур на место.

Вот так всегда – ни в детстве, ни повзрослев, я ни разу не слышала ее пения. Она этого не делала ни на праздниках, ни на вечеринках, ни в гостях, ни у себя дома, хотя в юности слыла певуньей. Это было ее табу: полученные в самое сердце удары судьбы напрочь отбили охоту к пению.

А любить? Я знаю, бабушка умела любить. Если человек к красоте души получает от Бога еще и красоту телесную (как это случилось с нааной), то он обязательно будет влюбчивым и любить будет самозабвенно.

После окончания института я, чтобы блеснуть своим красным дипломом, приехала к бабушке в селение Шибее. К этому времени она наконец вышла на пенсию. У нее гостила моя двоюродная сестренка, одиннадцатилетняя Тоня (младшая дочь эдье Анны).

Мы с Тоней спали на одной кровати. Утром, когда остались одни, сестренка потянулась к моему уху:

– А знаете, у нашей нааны – молодое сердце!

– Что-о?!.. – я изумленно возрилась на сестренку – услышать из уст ребенка такое!

А Тоня уже стояла перед оконной занавеской, заглядывала в прорезь двух половинок и подзывала меня к себе:

– Видите, вон тот дом, что стоит напротив, через дорогу? Сейчас оттуда выйдет дед. У него умерла жена, он живет со своими детьми. И вот что – наша бабушка влюбилась в этого дедушку.

– О-о! Что такое ты говоришь! Не может быть этого!

– Как только дед выйдет из дома и начнет работать по хозяйству, наша бабушка встает на это место возле занавески и, не дыша, наблюдает за ним.

В полной растерянности я принялась осматривать дом напротив. В это время на крыльце показался седовласый мужчина крепкого телосложения, привычным движением головы он оглядел свой двор, а затем... посмотрел в нашу сторону.

О Боже, мне уже был знаком этот человек!

– Я знаю этого дедушку, это Кадын-ага, отец моей подруги Эркелей. Раньше они жили в Талду, а теперь, оказывается, переехали в Шибее!

Я ринулась к двери, чтобы поскорее увидеть школьную подругу, но раскрыв ее, замерла на месте: бабушка стояла рядом, перед углом дома спиной ко мне и исподтишка следила за Кадын-ага. Она так увлеклась наблюдением, что не услышала звука раскрываемой двери. Я тотчас потянула дверцу к себе, бесшумно закрыла ее и села рядом с сестренкой.

– Знаешь что, давай никому не будем рассказывать о том, что знаем. Иначе люди будут смеяться и говорить, что старая Биле влюбилась в Кадын-ага.

Тоня охотно согласилась хранить тайну. Мы с сестренкой подсчитали возраст бабушки. Оказалось, что ей по документам уже исполнилось 65 лет, а фактически, мы знали, было больше.

– Просто невероятно! В таком возрасте и – любовь!! Как можно!!! – повторяла я сама себе.

Теперь-то знаю – «любви все возрасты покорны», а тогда, признаюсь, не годовала.

В тот же год наана перевезет к себе на жительство престарелую старшую жену от второго замужества – немощную Кюдьей, которая в печальном одиночестве проживала в селении Кулада. За ней нужен был уход. Я уже упоминала, что у Кюдьейим не было своих детей. Не было и родственников, которые взялись бы ее содержать и ухаживать за ней.

– Она же соперница! Вместо того чтобы «нечаянно» обжечь ей руку кипятком, возитесь как с малым ребенком! – ворчала я для порядка.

– Не говори глупости! Какая она соперница?! Видишь, даже чашку с чаем поднимает с трудом, – миролюбиво говорила бабушка. – Ох, годы, наши годы, с ураганной скоростью унеслись в прошлое – навсегда и безвозвратно... Для чего жили?.. Для чего страдали?.. Кто ответит?..

Машу, без усталости машу рукой,
Не узнав, Весна прошла стороной...
(Шатра Шатинов)

Наана и в последний путь проводила Кюдьейим.

Греется на солнце Кюдьейим,
Думает она о чем-то горько.

Жизнь неповторима и права,
И не возвратятся больше годы те...

Вместе с Кюдьейим куда уходите,
Сказки, песни, добрые слова?!

(Эркемен Палкин)

АЛТАЙСКАЯ ШАПКА И ЧЁЧЕЙ

При всей невозмутимости духа бабушка тяжело реагировала на две вещи: изменившийся обычай ношения мужских шапок женщинами и поминание покойников водкой и аракы. Оба эти отклонения она связывала с войной, говорила, что в довоенное время для женщины кошунством было надеть на себя мужскую шапку. Сама на протяжении всей жизни никогда этого не делала.

Дело в том, что раньше шапки из лисьих лапок, которые ныне все женщины охотно носят наряду с мужчинами, были принадлежностью исключительно сильной половины. Лиса – когтистый зверь, хищник, не подобало нежной женщине-матери таким убором покрывать себе голову, ведь часть кута (жизненной силы) живет в ее волосах. Другое дело – воротник: лисий мех был основным материалом как для мужских шуб, так и для женских, поскольку обладал нейтральным свойством: шкура – не когтистая лапа.

Интересную интерпретацию конструкции алтайской шапки из лисьих лапок я впервые услышала от своей землячки Аси Шатиной.

Ася родом из села Кырлык Усть-Канского района, то есть из той части Алтая, где жители свято хранят народные традиции. Так вот, моя прекрасная землячка рассказывала, что лисья шапка содержит в себе следующие смыслы: внутренняя часть, состоящая из шкурок белого барашка, олицетворяет домашний скот, а внешняя часть – лисьи лапки и оторочка из шкуры выдры – это богатство Алтая, дикие звери, горные кряжи и реки. Кисточка, состоящая из пары цветов радуги, есть аналог чуба-кёкуля, небесный знак, показывающий изначальную неборожденность мужчины-алтайца. Да, именно так! Отсюда следует вывод: столь важный головной убор должны носить мужчины – главная опора семьи и народа в целом.

«Так оно и есть! – горячо подхватывала Асин комментарий в моем переложении наана. – Но во время войны роли будто поменялись. Особенно после того, как подавляющее большинство мужчин не вернулись с фронта. Вот тогда слабая половина в горестном отчаянии надела на себя шапку главы семьи. Ведь отныне – она ее опора и защита. После забыла снять».

В том нашем разговоре я к слову вспомнила случай из жизни Эртечи Барзыновны – хозяйки «салона» в нашем Талду. О нем поведала взрослеющей молодежи наша соседка по дому, та самая мудрая пожилая повариха из молодежно-полеводческой бригады селения Талду. Оказывается, Эртечи-эдьё, исполняя обязанности няни в колхозных яслях, вынуждена была одна заколоть коня. У неё на руках голодные дети, а еды нет. Ей, юной, прелестной, тонкостанной девушке, самой пришлось заарканить коня, особым узлом перевязать животному все четыре ноги, ловким рывком свалить на землю и вонзить нож в брыкающееся животное. Затем еще и разделать тушу. Попробовала бы это сделать другая! На

это, нисколько не удивившись сказанному, наана отвечала, что в войну ей тоже приходилось убивать животное – не коня, а бычка.

Должна заметить, ни сама бабушка, ни Эртечи-эдьей, и никто другой не то что вспоминать, даже упоминать не позволяли о подобных случаях – слишком тяжелым грузом легли события тех лет на сердце.

Однако с того времени прошло уже более семидесяти лет, и как бы глубоко ни засела война в сознании, пора бы вернуть мужчинам почетную привилегию самим носить столь емкий по смыслу и ко многому обязывающий головной убор, рассуждаю я вслед за своей бабушкой. Ведь кроме реальности внешних обстоятельств, еще существует реальность внутреннего порядка. Иначе говоря, разве трудно вообразить, разве нельзя представить, что может происходить на невидимом плане в душе мужчины, когда, по укорененной издревле традиции, узаконенную всей жизнью многочисленных предков шапку водружает себе на голову женщина... Оговорюсь, женщина-мать – лицо вовсе не второсортное и не второстепенное, но просто существуют фундаментальные понятия, есть мера вещей, жизненные принципы, которые нельзя, недопустимо смешивать между собой, иначе нарушается нечто важное...

Еще наана с гневом осуждала нелепый, с ее точки зрения, обычай поминать умерших водкой или любым другим «горячительным напитком», пришедший вместе с горестными годами войны. «То, что было создано для людского веселья и праздника, никак не может быть употреблено в часы скорби, – говорила она. – Не было у нас такого! И не должно быть! Мы – другие! И нечего кому-то подражать! – возмущалась она. – Вот подумай, каким образом сильнейший яд – похититель рассудка – может дать утешение близким людям покойника?! Разве только еще сильнее разбередит нутро... Если кто говорит, что получает утешение, – не надо ему верить, на самом деле нет в его душе истинной печали, нет глубины скорби, смысл водкой, и все тут... Также нельзя горько оплакивать, стенать и звать назад умершего. Это жестоко и немилосердно по отношению к покойному, потому что Его дух и без этого крайне тяжело воспринимает свое новое состояние. Поэтому живым следует всеми силами найти мужество стойко перенести внезапную и горькую утрату».

На мои расспросы о том, а как же в старину проводили поминки, отвечала, что готовилось много еды. «Духи любят вкусный запах жаренных на масле лепешек и бульона, сжигаемых в специальной чаше веток арчына, а также слова алкышей-благопожеланий. Особо успокаиваются и умиротворяются, когда перечисляются Их добрые дела и поступки, но только сказанные не пьяным языком, а в ясном сознании и здравом рассудке, – подчеркивала бабушка. – Непременно нужно, чтобы живые, каждый, кто пришел помянуть покойника, досыта поел – тогда и Он будет сыт и доволен, Ему легче будет добраться до назначенного места. Даже самый горький пьяница всегда надеется, что смерть принесет Ему освобождение, что при поминках люди не будут обливать могильный холмик водкой, дескать, покойный любил выпить, следовательно, подобные ритуалы будут Ему в радость. Это вовсе не так! От такого издевательства Его мощи, должно быть, переворачиваются в гробу: он-то ведь жаждет, что хоть смерть очистит от заклётого недуга и что последний земной путь будет обставлен по-человечески».

Всем сердцем я принимала доводы нааны: у нее слова не расходились с делами. Суть ее души составляло непреодолимое стремление к этической чистоте

и безупречности. Пройдя нечеловеческие испытания, она сумела выстоять, не допустила, не позволила обстоятельствам себя сломать. Не курила и не употребляла алкоголь ни в каком виде и ни при каких случаях. Только на восьмом десятке попросила взрослую внучку принести бутылку красного вина. Держала ее на случай недомогания и изредка отпивала из маленькой рюмочки – «для кровообращения», как поясняла наана.

ПОЧЕТНОЕ ПРАВО

Самая первая картинка, зафиксированная памятью, связана у меня со стрижкой волос.

Как я уже отмечала, у алтайцев все родственники с материнской стороны называются «таайлар»: дяди и тети – единоутробные сестры и братья мамы, а также ее родители, мать и отец – таай эне (таайна, в моем случае – наана) и таай ада (таада). По неписаному древнему закону, каждый член семьи связан особыми узами с родней матери.

На протяжении всей жизни таай – дядя обязан заботиться о племянниках. Дяде предоставляется почетное право первому остричь племянника или племянницу в трехлетнем возрасте и взять себе клочок волос с его или ее головы на хранение. Считалось, что в волосах сосредоточена важная часть кута – жизненной энергии. Поэтому, пока ребенок не окреп, полагали, будет надежнее, если срезанные волосы будут храниться у сильного (по умолчанию) таай. По достижении двенадцати лет, то есть возраста инициации, мальчик или девочка с родителями ехали к таай, которому вручались щедрые подарки, а тот, в свою очередь, преподносил племяннику или племяннице коня в полном снаряжении, а также возвращал памятную реликвию – пучок детских волос. С этого момента волосы зашивались в кожаный мешочек – чачтуш и хранились в семейном сундуке на протяжении всей жизни их хозяина. Но вот прожита отмеренная Богом жизнь, и тогда в день похорон чачтуш клали под голову покойнику.

Особенно строго к своим волосам относились женщины: они никогда не выбрасывали их и не сжигали, а, напротив, собирали в отдельный мешочек, который потом вместе с детскими волосами тоже клали под голову покойной в качестве подушки. Если это правило не соблюдается, то духу умершей придется кружить возле тех мест, где он жил, до тех пор, пока не найдет и не соберет все свои волосы до одного, – только после этого кут будет допущен на следующий уровень потустороннего местопребывания...

Об этом обычае я также впервые услышала от нааны и должна заметить, что в подобных действиях есть резон эстетического характера. И в самом деле, каждому из людей свойственно чувство брезгливости при виде волоса на предметах домашнего обихода, на одежде или, в особенности, на посуде. Вот почему женщины моего детства расчесывали волосы над специальным платком, тщательно собирали в один пучок выпавшие волосы и присоединяли его затем к детскому пучку. Всё вместе хранилось в отдельном мешочке у изголовья кровати под тѣжѣком.

Замечательна еще одна деталь: алтайская женщина, когда молится, коротким движением обеих рук поглаживает свои косы (место средоточия кута), которые в заплетенном виде лежат у нее спереди на груди.

Так вот, в особый день стрижки волос моя мама созвала в дом гостей. Помню, что посреди комнаты стояла табуретка, возле нее моя мама, держа белую простыню, подзывала меня к себе. А рядом стоял мужчина с большими ножницами в руках. При виде ножниц я пугаюсь и с криком бегу к двери... На этом память обрывается, а следующая вспышка детской памяти высвечивает уголок улицы, на ней забор в виде поперечных жердей. Под ними – побуревшая лежалая трава с маленькими островками тающего снега... Я ловко проскальзываю в узкую брешь между землей и забором, а мужчина (тот самый, с ножницами!) не может этого сделать. Перевесившись через забор, делает хватательное движение руками, но меня ему не достать. Тогда он, смеясь над своей беспомощностью, поднимает вверх руки (ножниц уже нет), ловким движением фокусника вынимает из воздуха конфетку-подушечку и протягивает ее мне. Естественно, я беру ее (какой ребенок устоит против вожаденной сладости)... Еще одна вспышка: таай Ключлюк (а это был он) сажает меня на табурет и стрижет мне волосы...

В двенадцать лет мой таай не возвращал мне мои волосы и не дарил коня в полном снаряжении. В новых условиях жизни такой обычай воспринимался непозволительной роскошью. Предпочтительнее было забыть. Так и случилось – люди забыли о нем, как и о многом другом...

ПРОЩАНИЕ

Ныне широко бытует сентенция: случайности неслучайны.

Должно быть, так оно и есть, иначе как понять то, что именно 19 августа 1994 года, будучи в Горно-Алтайске на съемках документальной кинокартины о нашем великом соотечественнике Григории Ивановиче Чорос-Гуркине, рано утром по телефону получаю скорбное сообщение о том, что накануне вечером в селении Купчегень на руках своей дочери Анны скончалась моя бабушка, Кокулева Биле Кыпчаковна.

Будь я в это время в Алматы (мое местожительство), не успела бы к похоронам. Время – разгар лета, самолеты с прямым рейсом в Горно-Алтайск отменены, поездом доберешься лишь за двое суток, а ходят они в Бийск через день.

А так успела в последний раз подержать родные руки в своих, крепко прижать ступни ног и мысленно сказать им: отдохните, милые ножки, вы много ходили... Отдохните, славные рученьки, вы много, очень много трудились на своем веку... Отдыхайте... Целую вас...

На поминальный обед приготовила плов – это все, что я сделала для бабушки со времени моего отъезда в Казахстан. Так уж получилось.

Таня Туденева, бабушкина третья внучка по старшинству (у неё внуков и внучек всего 22), рассказывала, что примерно за месяц до своей кончины бабушка проснулась, молча посидела на кровати и тихо, как бы самой себе сказала: «Вот и все, пора собираться домой». Таня в это время приезжала навестить маму с бабушкой. «В первый момент я удивилась: “О чем это вы? Куда же домой? Разве не у себя дома?” Но, взглянув на свою маму, по ее глазам, по выражению лица поняла, что тут имелось в виду».

По представлению алтайцев, полной смерти не существует. Есть момент скорбного и тяжелого перехода из одного мира в другой, и у этого другого мира есть названия: Ол Алтай – Тот Алтай, Чын Алтай – Подлинный Алтай, Ада-

ёбёкёлёр Алтай – Алтай предков, Карангы Алтай – Сумеречный Алтай, Ак-Чечек Алтай – Алтай Белый Цветок, Кыру тышпес Алтай – Алтай без инея, Чалын дьок Алтай – Алтай без росы, Ол Дьер – То Место, Алыс Дьер – Дальнее место, Ёскё Алтай – Другой Алтай, Алтыгы ороон – Нижний мир, Юстюги ороон – Верхний мир, Кудайлык ороон – Божественный мир, Тюби дьок ороон – Бесконечный мир и т. д. Это наиболее распространенные названия, но их значительно больше.

На другом Алтае жизнь продолжается так же, как и на земле, с той разницей, что солнце и луна там источают тусклый свет. Как в древности, так и в наши дни в могилу вместе с покойником кладут Его любимые вещи, облачают в ту одежду, которую Он носил при жизни с удовольствием. Только все вещи должны быть в немного разрушенном виде: так, у рубашек и шуб подрезаются ворот и верхняя пуговица, на обуви делается надрез, нож и ложка ломаются, чашка разбивается, нитки спутываются, иголка обламывается и пр. Это делалось для того, чтобы протянуть и занять время: до тех пор, пока кут покойного чинит испорченные вещи, Ему некогда будет думать о возвращении на Лунно-Солнечный Алтай. А за время ремонта Он уже привыкнет к новому месту, а потом... и вовсе забудет дорогу назад.

Всегда, во все времена и у всех народов считалось, что благополучие покойного в том мире зависит от того, насколько внимательно, тщательно и почтительно будет исполнен обряд захоронения, а затем так же, с большим вниманием будут проведены поминки на третий, седьмой, сороковой день и годовщину со дня кончины.

Люди древности, люди традиции ничего просто так, наобум, как придется не делали. Любой обряд исходил из реальных обстоятельств и предпосылок. Так вот, дни поминок были связаны с состоянием физического тела и кута покойника. Когда человек умирает, с его последним дыханием (тын) кут отделяется от тела и невидимо остается рядом. С этого времени кут находится в пограничном состоянии – Он не верит случившемуся, а потому впадает в смятение. Для Него это самый тяжкий период, тяжелее предсмертного страха.

При правильном обряде захоронения, особенно если учтены пожелания покойного еще при жизни, кут успокаивается. Об этом родственники узнают через сон и особые приметы. На третий день захороненное тело начинает разлагаться, что вызывает большое беспокойство кута, Он снова начинает волноваться. Чтобы Его успокоить, близкие родственники собираются в доме покойника и совершают поминки.

Так же поступают на седьмой день, когда вздувается и разрывается живот. В этот день близкая родня и те из людей, кто не успел к похоронам, снова садятся все вместе и добрыми словами поминают покойника. После этого кут направляется в путешествие по местам, где Ему доводилось бывать при жизни, обходит всех, кого хотел бы увидеть. Он как бы заново переживает все перипетии своей земной жизни. Об этом чаще всего узнает близкая родня покойного через вещие сны.

На сороковой день ткань и сухожилия умершего начинают отделяться от костей. Считается, что в этот день кут садится на тоненькую былинку, а она даже не прогнется. Вот тогда Он горько заплачет: «Оказывается, это правда. Меня нет больше среди людей, я не могу теперь обнять своих близких». Кут окончательно уверяется в безвозвратно печальном событии и снова получает утешение через упоминание Его имени живыми. О том, что кут снова находится дома, люди узнают по беспокойному поведению собаки, кошки, коровы и особенно – любимого коня покойного.

Бывшая хозяйка в ночь поминок или под утро гремит посудой, а хозяин трогает орудия труда. В доме сама по себе может скрипнуть дверь, треснуть оконное стекло, падает что-то из вещей, лопается электрическая лампочка, дрова в очаге горят с особым треском. У кайчи могут загудеть струны топшура или даже оборваться при малейшем прикосновении. Это тяжелый день, весьма ответственный для живых. Нужна большая осмотрительность в поведении, в принятии решений. В дни траура ничего из вещей покойного не выносят из дома, после сороковин часть вещей сжигается на улице, часть раздается. Дом, в котором жил покойный, может быть продан только по прошествии года, потому что пограничное состояние «там» и «тут» продолжается год. Это время приговора, точнее, суда в пограничной зоне, когда взвешиваются на весах добрые и недобрые дела человеческие.

В годовщину смерти ткани тела полностью сгнивают, это значит, что остаются теперь только кости, ногти и волосы. С течением огромного отрезка времени исчезнут и последние два артефакта, на вечные времена остаются лишь кости. Алтайцы называют их мёнкю – вечное.

Если правильно соблюдались все условия проводов покойного, Его кут получает удовлетворение и становится покровителем рода и всех, кто бережно хранит и чтит дорогую память. В противном случае Он может стать бук – невидимым врагом, лечь перед порогом дома обидчика и «доставать» того по всем правилам справедливого и праведного гнева. Или же будет носиться по местам своей прежней жизни в виде кёрмёса или юзюйта – невидимых недобрых сущностей. От них людям также мало радости.

Покровителя рода алтайцы именуют тёс, байана. Есть еще одно наименование – агару (святой). В наше время это слово почти вышло из употребления. Агарулар – это кут особо сильных и достойных личностей, при жизни проявивших лучшие человеческие качества, а потому заслуживших нести почетную миссию небесных покровителей. По-видимому, в христианстве этому понятию соответствует ангел-хранитель, который невидимо, на протяжении всей жизни человека неотлучно находится рядом с ним. Есть предположение, что творческие люди, какой бы сферы ни касалась их деятельность, черпают свои идеи и вдохновение от агарулар. И насколько целостна и гармонична эта духовная связь, настолько полученные идеи выглядят оригинальными и перспективными. Тут действует закон взаимобратимости, то есть люди должны прилагать известные усилия для поддержания энергии агарулар – чтить, хранить и беречь память об ушедших через исполнение регулярных обрядов и ритуалов.

Но особенно эффективным средством оформления источника вдохновения и подключения к нему является чистота помыслов живущих на земле, то есть задача современных творцов состоит в том, чтобы не допускать зазора между тем, что исповедуешь, и тем, что делаешь: агарулар не терпят фальши. Это, безусловно, касается всех сфер жизнедеятельности.

...После кончины бабушки, имея опыт произнесения лишь нескольких алкышей, я как-то незаметно для себя начала молиться. Мысленно, от всего сердца прошу упокой тем, кого нет уже в живых и кому никогда не смогу сказать слов благодарности. Передо мной, словно на киноплёнке, проносятся образы множества людей, с кем когда-либо доводилось встречаться и получать то или иное внимание и помощь. Так неожиданно нашелся чудесный способ «быть рядом»

с теми, кем дорожила и дорожу. И хотя до этого времени я особо не соблюдала религиозные ритуалы, теперь охотно вспомнила все, что делала бабушка. А она неизменно «работала» дома, возле очага, с веткой можжевельника рядом и вместе с живым горячим пламенем От-Эне.

БЭМБИ

Не знаю, случайность то или провидение, но первым неизгладимым впечатлением детства для меня стал мультипликационный фильм великого Уолта Диснея «Бэмби». Это теперь я знаю авторство и название того чудного фильма, виденного мной вместе с мамой в каком-то большом многолюдном клубе, зимой, потому что люди, помню, были тепло одетыми. А в ту пору ничего этого я не могла знать – мне, должно быть, тогда исполнилось четыре с небольшим. Зрелище, поразившее детское сознание, называлось лаконичным словом «кино».

День был пасмурный, серый, люди тоже все в сером, а кино было невероятно красочное.

После этого какое-то время не могла воспринимать игровое черно-белое и документальное кино: вместо людей, казалось, двигались их тени. Получается, что мультфильм «Бэмби» пронзительной красотой и печалью опалил детское сердце и на долгие годы залег в подсознание, будто бы даже стерся из памяти.

Предполагается, что я тогда видела трофейную копию фильма «Бэмби», так как известно, что дубляж фильма на русский язык в Советском Союзе был начат в конце пятидесятых, а отснят он был студией Диснея в 1942 году.

Только в возрасте тридцати лет, связав свою жизнь с анимационным кино, я снова увидела на экране «Бэмби».словно свет фотовспышки, память выхватила полумрак клубного помещения, а в нем людей в темном одеянии, смеющихся и плачущих над сказочной историей о маленьком олененке и его матери. И об отце, сильном и добром, всякий раз приходящем сыну на помощь...

Отчетливо вспомнились мамины руки, с силой прижимающие меня к груди... Ее смех и возгласы смешивались с моими... Вспомнился скрип снега, приминаемого валенками, после того как публика высыпала на улицу... Вереница красивых деревянных двухэтажных домов... По архитектурному облику это, несомненно, был Горно-Алтайск, но иногда кажется, что Томск, его старая часть... Ведь мама рассказывала, что вместе со мной, четырехлетней, ездила в город Томск. С какой целью – мне неизвестно.

Бабушка характеризовала маму так: «Сердце, не знавшее робости. За что ни возьмется, все делала без оглядки на что-либо. Зимой, когда не во что было обуться, ноги обматывала овечьими шкурками, перевязывала веревкой и в таком виде шла в школу, лишь бы не пропустить занятия».

ОТЕЦ

Жизненный путь моего отца Салбанова Дьемита Маймановича – это отдельная история, особая судьба и биография, отдельная книга – так много сплелось всевозможных ошеломляющих событий в жизни молодого человека, что он при всем желании не смог, подобно отцу Бэмби, всякий раз приходить к своему чаду на помощь.

Но он и не выпускал из поля зрения свою старшую дочь, то есть меня. Это его стараниями нынче я имею возможность общения с моей единокровной родней, кёгёл-майманами: сестрой Анной и братом Славой, а также моими племянниками и племянницами по отцовской линии.

По своему душевному складу отец был фаталист. Иначе и не могло быть. Он еще в детстве остался сиротой. Тогда же получил тяжелую травму головы – при падении с норовистого коня ударился затылком о лошадиное копыто. Если бы не искусное лечение местного шамана, на всю жизнь мог остаться инвалидом. В 15 лет без его желания родственники женили его на женщине намного старше годами – сработал старинный закон левирата, или амангерства. Это значит, что когда вслед за главой семейства скончался один из братьев отца, то, чтобы сноха не осталась по жизни вдовой с малолетними детьми, ее вторично выдали замуж, хоть и за подростка, но все же представителя своего рода-племени.

Вот против этого обычая и восстала пламенная душа моей мамы. Когда она после окончания учительских курсов приехала в Эзэндик (а это был 43-й год, самый разгар войны), там и услышала про этот жестокий акт по отношению к молодому человеку. К этому времени отец в невольном союзе жил уже тринадцать лет. От этого брака детей не было.

Маме вздумалось навести порядок, установить справедливость.

Из рассказа отца: «Той осенью к нам в село прибыла молодая и энергичная учительница. Ее черемухово-черные глаза сияли счастьем, когда, усадив меня на стул в своей комнате, она стала разяснять, что я являюсь жертвой одного из самых ужасных пережитков прошлого у алтайцев.

Я рад был такому разговору, доводы учительницы были словно бальзам на душу, поэтому с готовностью пообещал, что оставлю старуху-жену и начну новую жизнь. В то же время, в тот же час ясно осознавал, что без этой черемушки-учительницы больше не проживу ни одного дня».

Отец таки добился взаимности, потому что дата 1 января 1945-го является днем моего рождения.

Я – сураз. Из-за срочного призыва отца на фронт родители не успели оформить документ о браке. Соответственно, все школьное время я носила фамилию мамы – Мендешева. А в 16 лет при получении паспорта оказалось, что в моем свидетельстве о рождении, на основании которого выдают первый взрослый документ, во втором слогe вместо буквы «е» значилась «о». Так я стала Мендошевой.

О рождении дочери мама написала моему отцу в Кебезень, там он проходил тыловую службу: в числе многих своих земляков, ни слова не знавших по-русски, был отправлен на лесоповал для заготовки леса фронту. Это было ее последнее письмо отцу (их было много, по словам адресата, около сотни). Более того, вскоре после моего рождения мама внезапно перевелась на работу в селение Абай Усть-Коксинского района. А когда мой отец вернулся из Кебезеня и потребовал объяснения, его мать ответила коротко: «Ответ получишь у жены».

Нетрудно догадаться, что та безымянная для меня женщина, конечно же, держала в душе своей немалую обиду как на своего законного (по тем временам) мужа, так и на свою соперницу, мою маму. И, по-видимому, отреагировала так, что мама больше писем отцу не писала, а к новому учебному году перевелась на новую работу. Там вышла замуж за мужчину по имени Николай. От него родился сын Анатолий. После этого было еще одно замужество в селе Банное, тоже неудачное.

За все надо платить. Мама заплатила сполна: ушла из жизни, не прожив и трех десятков лет, оставив двух несовершеннолетних детей на попечение провидения.

Мой брат Толя жил на белом свете недолго и очень трудно. Когда мысленным взором окидываю его безрадостную сиротскую жизнь, то кажется, что все беды человеческие выпали на него одного. Но он не жаловался. А после кончины (прожил 46 лет) приснился мне в виде белого голубя.

Я знаю, мне знакомо – «...душа растет преодолением боли» [16]. И, как сказал мудрец древности: «Все проходит». Это действительно так – все проходит, остается спокойное приятие жизни со всеми ее радостями и печалью. И то, и другое – бесценный урок, драгоценный опыт, богатая казна для новых жизней, для нового космоса...

У отца была феноменальная память – до самой старости он во всех деталях помнил сложные перипетии своей жизни. Часто рассказывал о них односельчанину-соседу по имени Максим, который, будучи вдвое моложе рассказчика, обладал счастливым даром внимательного слушателя.

В 77 лет отец без записи, на память, воспроизвел свое генеалогическое древо до седьмого колена со всеми подробностями. «Не забывай, мы – кёгёл-майманы, плавильщики железа!» – гордо восклицал отец. Он рассказывал: «Жили на свете два брата, два маймана: старший – кёгёл-майман плавил железо, а младший – кара-майман готовил дрова для плавильной печи». Кёгёл означает «небесный».

Еще он говорил: «Кёгёл-маймана узнают по тонкому голубому ободку вокруг зрачка. Запомни – это верная примета того, что мы отмечены Небом».

Людам свойственно думать о себе возвышенно или, как говорят, – «великаться», и в этом нет ничего плохого, если соблюдается мера. Мы с отцом – не исключение, любим немного повеликаться.

Умер отец в возрасте 90 лет на руках младшей дочери Анны.

БЕСЦЕННАЯ АННА ЭДЬЕ

Анна-эдье, Анна Маймановна Бочкина (в девичестве – Мендешева) – младшая сестра моей мамы. Из бабушкиных детей самая крупная и статная, умная, с сильным и стойким характером, она, словно надежная крепость, принимала под кров каждого из членов рода в тяжелые для них периоды жизни.

Анне-эдье было 19 лет, когда умерла моя мама.

Учитывая, что бабушка у меня неграмотная и постоянно проживает далеко от селения на ферме, а мне уже исполнялось семь лет (надо было определять в школу), работники районного отдела образования взялись оформить меня в детский дом в Горно-Алтайске.

Вот тогда и выказала свой характер моя эдье. Она пришла к солидным важным людям и сказала, что никуда не отпустит единственную дочь своей сестры (моего братика Толю годом раньше забрал в новую семью его отец). Что все обязательства по моему обучению и воспитанию возьмет на себя сама. Написала заявление. Сельсовет оформил на ее имя опеку надо мной.

Тетя сдержала свое слово. Вместе с мужем, Бочкиным Айдыном Телесовичем (русское имя – Николай), и бабушкой Биле Кыпчаковной вырастили меня, дали путевку в жизнь.

Мои драгоценные опекуны вырастили и воспитали троих замечательных детей. Старшая дочь Тана – Татьяна Туденева, известный на Алтае журналист, всю свою жизнь трудилась в должности главного редактора республиканской газеты «Алтайдын Чолмоны», а под конец, выйдя на пенсию, возглавила Республиканский издательский центр.

Младшая дочь Антонина работает старшей медсестрой в туберкулезном диспансере города Горно-Алтайска.

Третий ребенок – сын Юра до последних дней жизни своей мамы жил рядом с нею. За мамой нужен был уход: обеспечение дровами, водой и все прочие хозяйственные заботы он взял на себя. Юрий тоже всю свою жизнь трудится в родном селении на разных работах. И вот что удивительно – у каждого из троих детей в трудовой книжке в графе «место работы» значится всего одна запись до самого выхода на пенсию.

Мальчику исполнилось 12 лет, когда от тяжелой болезни умер его отец. На самом деле, сказалась нелегкая фронтовая служба, на которую он был призван в 41-м, в 42-м получил ранение в руку, лечился в госпитале, после снова воевал до окончания войны в воинской части 584 в качестве снайпера-стрелка.

На войне погиб его младший брат Арчымак, тоже снайпер.

В разное время у нас в доме жили: сестренка тети, Пана, до замужества; бабушка Шагай из рода иркит, свекровь моей эдье; Чындый, ее деверь, проживал до женитьбы; Алгыйчы – золовка пришла жить на склоне лет; под конец эдье взяла к себе свою маму, нашу наану, когда та стала совсем немощной. На руках своей дочери Анны она и скончалась. Круг замкнулся.

С виду суровая, молчаливая, непоколебимая в своих решениях, неумолимо требовательная к людям, к мужу, к своим детям, ко мне, она считалась грозой среди родни, все немного ее побаивались. Однако же меня это обстоятельство, казалось, всерьез не задевало, так как в самую раннюю пору я стала невольным свидетелем того, какой трогательно нежной она может быть на самом деле.

А вот как это было. В год кончины моей матери перед началом школьных занятий мы с тетей вдвоем вышли из села Кызыл-Тан и направились к ферме под названием Хабарка, месту ее и бабушкиной работы. Дорога пролегла вдоль горной речушки Короты, через рошу с редкими деревьями боярышника, черемухи, березы, кустов жимолости и акации. В самом начале пути нам встретился белолицый мужчина в солдатской гимнастерке. Немного смущаясь, он попросился идти с нами.

Я сразу почувствовала расположение к этому незнакомому мне человеку и, чтобы не мешать взрослым разговорам, побежала вперед.

Отчетливо, словно это было недавно, помню все впечатления того дня. Помню, что картина ранней осени в роще целиком захватила мое внимание, – вернее сказать, жизнь, скрывавшаяся в ней. А жизнью, если приглядеться повнимательней, было ох какое множество – от мурашей, жучков, мошкары и поздних бабочек и до сусликов... А еще травы и кустики со всевозможными узорами на листьях... И вдруг – излучина речки шириной в полметра, лента густо-синего цвета... Вода в ней тоже, оказалось, была полна жильцами – малюсенькими мошками и большеголовыми крошечными рыбешками... И над всем этим, рассекая воздух, носились редкие невесомые птички... Помню, я зачерпнула ладонью воду и в полном недоумении разглядывала ее, пока она вся до капли не вытекла сквозь пальцы.

Тогда я снова зачерпнула горсть синей, как чернила, воды, но и в этот раз она на ладони становилась бесцветной, такой, как в большой реке... Но ведь с виду она совсем-совсем синяя! Ой-ой-ой!! Я оглянулась на старших, чтоб приобщить их к своему открытию...

Итак, я оглянулась и... замерла, потому что увидела свою тетю в новом для меня образе: моя тетя звонко смеялась!!! Ее смех веселым колесом рассекал воздух, несся по макушкам кустарников и деревьев... О, моя эдье, она была необычайно хороша в этот миг! Мило прищурившись от яркого солнца, белоснежными зубами надкусывая засохший стебель ковыля, о чем-то говорила и говорила...

Я перевела взгляд на ее спутника.

– Ох! – опять выдохнула я полной грудью, потому что увидела то же самое выражение лица, что и у тети...

Пораженная столь неожиданным открытием, я тихо ступила за ближайший кустик, притаилась, молча переживая в душе увиденное, но ненадолго – в следующее мгновение легко, словно белочка-летяга, побежала-поскакала от кустика к кочке, от кочки к сусличьей норе, от нее вновь к реке... И все увиденное в этот раз воспринималось словно через увеличительное стекло, ясно, четко, выпукло и таинственно, как были полны таинства и сияющей красоты моя тетя и ее будущий супруг...

Когда я снова оглянулась, незнакомого мужчины рядом с эдье уже не было. Сама она со рдеющим от возбуждения лицом подбежала ко мне, схватила за обе руки и стала кружить так, что ноги мои оторвались от земли, вокруг все закачалось и завертелось... Казалось, я парила в воздухе долго-долго... Обычно молчаливая и суровая, эдье смеялась безудержно, а я еще громче... Потом мы разом упали, лежали рядышком – приходили в себя... И тут я слышу: «Торко, милая, о том, что с нами был незнакомый человек, никому не надо говорить... Нельзя... Понимаешь?..»

Я с готовностью кивнула. Дом доярок находился на пригорке. Оттуда хорошо обозревалась дорога, идущая из села через редкие деревья и кустарники. Я сама часто высматривала на ней свою тетю или бабушку. Каждый, кто появлялся, был виден как на ладони. И действительно, как только мы поднялись на пригорок, тетины товарки-доярки веселым роем обступили нас – хотели узнать имя незнакомца. Тетя отчаянно отрицала присутствие кого-либо с нами, и я молчала как партизан.

И вот одна из тетиных подруг по имени Чюнкур, оказавшись со мной наедине, вынула из кармана белую пластмассовую брошь-ромашку, заговорщически подмигнула: «Торкоша, если скажешь, кто был сегодня с вами, эта брошь станет твоей». Брошь была очень красивой – с ярко-желтыми тычинками посередине. Ничего подобного я раньше не видела, соблазн был немалый – я потянулась было к уху любопытной Чюнкур, как откуда ни возьмись передо мной появилась эдье, смеясь, погрозила мне пальцем... Мне сделалось стыдно – за красивую брошь чуть было не сдала свою тетю... Впрочем, мужчина был мне незнаком, я даже имени его не знала...

Той же осенью молодые справили свадьбу и были вместе до кончины Айдын-дьесте. Они прожили вместе двадцать лет.

О дьесте особое слово. По сей день меня не перестает удивлять этот человек. И вот почему. До седьмого класса в школьное время я жила в семье опекунов в

двухкомнатном доме. Следовательно, целыми днями, месяцами, годами чужой, по сути, ребенок маячил перед глазами хозяина дома. Однако я не помню ни одного случая, чтобы дьесте выразил недовольство «лишним ртом», тяготился «нахлебником», нервничал от «тесноты в доме» (ведь так описывается жизнь сирот в повестях и романах). Мне повезло, я выросла, ничего такого не зная. Думаю, это моя заслуга, заработанная в прошлом рождении, – я бы тоже не стала обижать сироту.

Кстати, качествами природной интеллигентности и душевного равновесия было наделено все семейство дьесте: мама Шагай, сестра Алгыйчы и брат Сергей. Мне выпала честь с раннего детства общаться со столь замечательными людьми.

Как-то после седьмого класса мы с эдье вдвоем косили сено для домашнего скота – одной коровы и около десятка овец и коз. В 14-15 лет мои ровесницы уже всюю косили сено наравне со взрослыми. Однако у меня работа не ладилась – под срезанной травой всегда оставалась «грива», не хватало силенок протянуть литовку до отказа. Но вот, наконец, садимся за нехитрый обед: чай с молоком, хлеб и кусок домашней брынзы.

Тетя с веселой усмешкой смотрит на меня и говорит:

– Да, Торко, придется тебе жить в городе, в селе ты себя не прокормишь, силенок маловато.

– Ну почему же не прокормлюсь? – отвечаю. – Я умею шить, вязать и вышивать. Надо будет – раскину карты, погадаю кому-нибудь на счастье.

И тут, о боже, вижу, как меняется выражение лица моей эдье. С неподдельной тревогой и горечью она смотрит на меня, точнее, сквозь меня и говорит:

– Вы только посмотрите на нее – к картам потянулась, жуликом хочет стать!

И ни слова больше. Встает, берет литовку, взмах, вжик, и зеленая трава, сердито охнув, пышным веером ложится у ее ног.

Я, не мешкая, беру косу, с силой припадаю к траве, да где там! За мной стелется все тот же жалкий гривастый прокос!

А в бедной моей головке уже роем носятся разные мысли. Разумеется, к тому времени я хорошо знала значение слова «жулик», знала, что позорно быть жуликом. Однако до сего времени как-то в голову не приходило увязывать безобидное гадание на картах с жульничеством. Более того, гордилась тем, что мои гадальные способности нравятся одноклассникам.

Только что это за гадание было? Сплошные фантазии без берегов, наугад – авось совпадет с тем, чего жаждут от меня услышать сверстницы.

Делаю вывод: отныне карты – это не для меня, они мне ни к чему, я сожгу их, чтобы не на чем было гадать.

Так я и сделала – вечером перед сном, оставшись одна в летнике, бросила карты в огонь. Горели они с трудом, будто нехотя, а потом разом вспыхнули, и их не стало. Такой вот подростковый максимализм, стойкое устремление юного существа – во что бы то ни стало прожить жизнь правильно. Думаю, будь я постарше, не стала бы их сжигать, просто перестала бы брать в руки, и все. Тем более что, будучи взрослой, чтобы скоротать дорогу в поездах или поддержать веселую компанию на дружеских вечеринках, конечно же, резалась в подкидного, раскладывала пасьянсы – вот и все мое умение. А позже пришло понимание, что гадание, любое гадание – пустое времяпровождение. Лучше

довериться жизни, бесстрашно отдаться ей, положиться на судьбу и жить ожиданием лучшего.

Такой вот тетин урок. Их было много. Я благодарна ей за все. Как только позволяли обстоятельства, стремилась приехать к ней...

Нитку бусинок ностальгии
 Положу себе под подушку.
 И на каменном ложе Алтая
 Буду слушать до рассвета
 Песню Камня и Дерева...

(Бронтой Бедюров)

Тетя прожила 80 лет и скончалась на руках своих детей. Накануне о тяжелом состоянии мамы оповестила меня ее старшая дочь Татьяна – я успела приехать к похоронам.

В тот холодный осенний день в селении Купчегень собралось много народа – люди съехались со всех районов Горного Алтая и города, хотели быть рядом в этот скорбный час, чтобы всем вместе остро почувствовать ценность и хрупкость человеческой жизни; молча, без слов, выразить признательность Всевышнему за дарованные бесценные дни и ночи и по всем правилам проводить покойную в последний путь...

НЕСРАВНЕННЫЙ КАСКА-ТААЙ

В детстве меня учили, что мамины братья и сестры мне будут тес таайлар, а вот бабушкины братья и сестры и их дети мне уже будут дьяан таайлар – большие таайлар. Это значит, что бабушкины племянники-кыпчаки, даже если они младше меня, приходятся мне дьяан таайлар. Однако для удобства, подразумевая, что они большие таайлар, я буду называть их просто таай.

Всякий раз, когда вспоминаю Каска-таай, испытываю особое чувство волнения: настолько крепко он запал в мою душу тем, что был необычайно красивой и харизматичной личностью. Ну, посудите сами: высокий, статный, стройная, по-военному выправленная фигура, светлое лицо с огромными карими глазами и прямым носом с высокой переносицей, вовсе не характерной для типичного алтайца. Плюс ко всему неизменно приветливое выражение лица делало его необычайно привлекательным, с кем бы он ни общался.

Когда мама, тяжело заболев, прибыла с двумя детьми в Кызыл-Тан, к своим таайлар, мне было шесть лет, а братишке Толику около четырех. Было это поздней осенью 51-го года.

В первое время мы жили вместе с семьей Каска-таай. Он работал счетоводом в колхозе и еще исполнял обязанности секретаря первичной комсомольской организации.

В комнате, где можно было разместить всего три кровати, большой обеденный стол, маленький кухонный стол и шкаф для посуды, проживала семья из восьми человек: Каска-таай с женой Дьякшылай и двумя детьми – двухлетней дочерью Людой и новорожденным сыном Мишей; младшие братья таай – Чонкыш и Байрам с мамой Тонкур. А еще восьмилетняя Пана, дочь-поскребыш моей бабушки. Плюс нас трое...

Я знала, что дом и юрта были построены бабушкиным братом Кахту, потому что Большая сноха часто сокрушалась: «Вот, отец семейства своими руками построил самый большой дом в нашем селении и самую большую юрту, а самому так и не пришлось в нем пожить».

Несмотря на тесноту, нас – маму, меня и братишку – безоговорочно приняли в семью. Вопрос тесноты даже не обсуждался: таай обязан был помочь, и всё тут. К весне маме, как учительнице, колхоз выделил маленький домик в центре села.

Вот из окна этого дома я и подкарауливала дядю, чтобы каждый раз вслед ему прибегать в колхозную контору и через раскрытую дверь или окно любоваться им.

Дядя в то время постоянно носил военную гимнастерку, она ему необыкновенно шла. Когда он собирался говорить, легким движением одергивал нижний край гимнастерки, зорким взглядом окидывал аудиторию и с лучезарной улыбкой начинал свою речь. О, что творилось тогда в зале! Люди, словно наэлектризованные, внимали каждому слову оратора, при этом могли подбросить колкие, горячие реплики. Но никто не мог сбить с толку невозмутимый дух моего Каска-таай, последнее слово всегда оставалось за ним, люди охотно принимали его точку зрения, а значит, подчинялись. Через четыре года таай станет председателем колхоза, а еще через три года областное руководство назначит его секретарем Онгудайского райисполкома. После будет работа в Кош-Агачском райисполкоме, председательство в селах Купчегень и Большой Яломан...

Каска-таай исполнилось 45 лет, когда он внезапно оставил свою руководящую партийную деятельность, перевез семью в Нижнюю Талду, устроился на работу в качестве табунщика, этим жил и довольствовался. Для односельчан и родственников его выбор казался странным и непонятным, однако он ни с кем этот вопрос не обсуждал и не делал этого даже под воздействием спиртного.

Я, окончив учебу в институте, жила в Горно-Алтайске. И вот как-то раз встречаю таай возле своего дома-общежития. Он направлялся ко мне.

Своим известием о том, что теперь работает табунщиком, таай ввел меня в ступор. Я знала, что его отец Санин Кахту Кыпчакович до ссылки тоже работал табунщиком. Этот вид деятельности у алтайцев всегда был в особом почете. Но в наше время, без особых препятствий и даже с успехом поднимаясь по карьерной лестнице, вдруг оставить все...

На попытку расспросить о причинах странного решения таай лишь весело рассмеялся и плавно перевел разговор на цвет моих волос. Я в то время, согласно моде, красила их в рыжеватый цвет.

Вначале таай похвалил мою подругу Луизу, у которой был естественный цвет волос. А мне велел немедленно прекратить безобразие: «Поверь, ты с этим цветом волос ничуть не похорошела, а наоборот, сделалась хуже, стала похожей на алмыску [17]», – выговаривал он мне. Я слабо защищалась.

Тогда в разговор вступила Луиза. Она имела врожденный талант к диспутам, своими аргументами способна была «завалить» любого оппонента. Начала издалека: привела кучу доводов в пользу улучшения не очень удачных природных данных у некоторой части юных девушек. Затем переключилась на роль моды в жизни современной молодежи.

Таай не стал слушать самозваного адвоката, сердито махнул рукой и строгим голосом обратился ко мне:

– Ты когда-нибудь видишь во сне свою мать?

Я отрицательно покачала головой.

– И никогда не увидишь, потому что твоя мама произвела тебя на свет черно-волосой. Она хотела бы присниться тебе, чтобы сказать самые важные для тебя слова, но она не приснится, потому что как она может присниться, если не может тебя узнать – ты же стала рыжая!

Об этом случае я было забыла, как вдруг, много раз перевернувшись в памяти события тех лет, вспомнив их во всех подробностях и деталях, неожиданно догадалась: а не приснился ли перед тем, как ему уйти в табунщики, моему таай его отец, Санин Кахту? Человек, которого несправедливо и необоснованно осудили, лишили семьи, родного крова, малолетних детей, не дали даже возможности быть похороненным на родной земле. И кто это сделал? Кто?? Да те самые коммунисты, в чьих рядах, первых рядах (!!!) фигурировал его сын. Не приснился ли Аба сорокапятилетнему сыну и не высказал ли он те самые важные, горькие и тяжелые для сердца слова?

Теперь об этом можно только догадываться и делать предположения, потому что Каска-таай покинул этот свет в возрасте 57 лет, а его супруга Дьякшылай, наша славная сноха, ушла вослед мужу на 61-м году жизни.

ВЕЛИКИЙ ДЕНЬ МОЛОДЫХ

Наступила праздничная осень.
 Свадьбою людей дивить пора.
 Счастья и песен сердце просит,
 Радостно трепещет вновь душа.
 Жизнь в любви – что может быть прекрасней?
 Солнца свет, счастливый смех детей...
 Этот праздник свадьбы долгожданный
 Наступил...

(Гульнара Малтина)

Так сложилось, что до сорокалетнего возраста мне не довелось увидеть алтайскую свадьбу. Запомнилась отдельными фрагментами лишь свадьба моей эдье Анны и дьесте Айдына. Стояла поздняя осень, ветер носил по улице побуревшие листья. Тетя была одета в алтайскую шубу, шапку и обувь. Ее с песней вели под руки две женщины, им подпевала небольшая группа людей, шествовавшая следом. Впереди всех шли двое подростков (один из них – мой таай Байрам, другой – племянник жениха), они держали в руках березовые ветки с белым занавесом, так что невесту можно было увидеть только сбоку.

Свадебная процессия прошла через все село и остановилась на окраине возле вновь отстроенной юрты и небольшого дома. Я увидела, что тетя украдкой утирает слезы.

Мне тогда исполнилось восемь лет, и я знала, что сегодня – Великий День ее жизни, а также жениха, самое желанное событие для родителей и родни, всенародный праздник сельчан. Но в таком случае – к чему слезы?..

Пана, моя тетя – десятилетняя девочка, старательно разъясняла, что так положено, так делают все невесты: ведь они покидают родной дом и уходят жить

к чужим людям. Им жалко оставлять свою родню. Они не могут заранее знать, как их примут в новом доме, как поведет себя муж...

Я вроде как возражала, что знаю дьесте, он хороший человек, не будет обижать нашу эдье.

На что Пана отвечала, что все равно, так положено: чтобы супружеская жизнь сложилась счастливо, невеста должна немного пустить слезу.

Как это мило – слегка всплакнуть, даже если выходишь замуж не по принуждению, а по доброй воле, с обоюдного согласия! Ведь слезы тогда будут не горькими, а сладостными, это как в жаркий солнечный день возьмет да капнет дождичек, вызывая в сердцах празднующих небывалое чувство полноты и красоты свершающегося мига.

...В конце 80-х я приехала по работе к себе на родину вместе с моим алма-тинским коллегой Гимуратом Бекишевым. Оказалось, что в селе Шибее, где мы гостили у тети Алгыйчы, справляют алтайскую свадьбу. Жених из рода кыпчак – сын Валентины, моей одноклассницы по национальной школе. Я не могла позволить себе пропустить столь редкую возможность посмотреть алтайский той: мы с Гимуратом явились на свадьбу.

Во дворе дома уже был накрыт праздничный п-образный стол, а народ, сгрудившись у ворот дома, с минуты на минуту ожидал прибытия эскорта невесты. Мы только успели обняться с моей одноклассницей, познакомиться с ее мужем и сердечно поздравить со свадьбой их первенца, как из-за угла соседнего дома показалось небольшое пешее шествие. Две оживленные женщины, весело распевая песню, поддерживали невесту под руки. Выглядели они значительно ниже виновницы торжества. За ними следовала группа сопровождающих. При этом все были одеты легко, по-летнему, и только невеста красовалась в алтайском национальном одеянии: овчинной шубе, лисьей шапке и зимней обуви из оленьих лапок. Обращало на себя внимание то, что шапка была надвинута по самые глаза невесты, а рукав шубы прикрывал лицо, точно как на свадьбе моей эдье.

– Жарковато, но ничего не поделаешь – такой обычай, – говорю я Гимурату, предвзято его возможное недоумение по поводу вовсе не сезонной экипировки невесты.

Тем временем свадебная процессия деловито-бодрым шагом вошла в ворота и остановилась возле ограды с развешанными на ней подарочными коврами молодоженам. Там невесту с двумя подружницами усадили на скамейку. Вокруг столпился народ.

И тут сквозь людской гомон слышу вопрос Гимурата:

– А почему у невесты такие большие ноги?

– А потому, – отвечаю, – что у алтайцев такое случается, рождаются девушки-богатырки. Об этом сказано в эпических произведениях.

В это время невеста на чью-то веселую реплику с перчинкой стала стыдливо отмахиваться рукой.

– А почему у невесты такие большие руки? – следует второй вопрос Гимурата.

– Ну, какие уж есть, – с обидой за землячку отвечаю, а сама чувствую, что-то неладно в ее грации, какая-то она неестественная.

– А тебе не кажется, что это парень? – уже в третий раз возникает с вопросом дотошный Гимурат.

Я в замешательстве, не знаю, что и ответить. В это время собравшийся народ разделяется на две группы: родственников жениха и родственников невесты, и каждая сторона по очереди и весьма напористо начинает расхваливать и возносить достоинства своего родича.

Помню, что как-то неуютно сделалось на душе...

– А невеста водку пьет? – раздается вдруг вопрос.

– О-оо! Что вы такое говорите? Как не стыдно! Не надо о нас так плохо думать! – возмущается невестина сторона. – По себе, однако, судите, сваты-кыпчаки (род жениха)! Наша – и грамма в рот не берет!

– Как это – не берет?! Мы так не договаривались!! С такой невесткой со скуки умрешь!

– Ай, да ладно! С вами она мигом научится хлестать водку! И-и-эх! – притоптывает ножками невестина родня-сподручница, вскакивает с места и пускается в пляс со словами частушки:

Менин кара козимди
вспоминаешь или нет?
Менин кара чамчамды
полоскаешь или нет? [18]

Следом, сбросив с себя шубу, пускается в пляс невеста – рослый симпатичный юноша. И только теперь, во всяком случае, мне и Гимурату становится ясно, что все это время мы лицезрели невесту-обманку, понарошку разыгранный пролог перед Главным Событием в жизни брачующихся.

А народ, выстроившись в небольшие хоромы по восемь-десять человек, уже запекает:

Как шерсть весенняя зайца мягка,
Так мягок язык у моей сватьи!
Как волос жеребенка тонок,
Так тонок язык у моей сватьи!

Как шерсть осенняя зайца мягка,
Так мягок язык у моего свата!
Как волос коня тонок,
Так тонок язык у моего свата!

И далее, словно невидимый маг махнул волшебной палочкой, грянула празднично-торжественная музыка. Затем, уже по-настоящему, вдали показался большой эскорт людей с белым занавесом на молодых березовых ветках, за ними невеста в современном подвенечном наряде, ведомая под руки двумя молоденькими снохами, и в конце большая группа сельчан, принимающих чистосердечное участие в Великом Дне молодоженов.

Кстати, о березовых ветках. Кто из алтайцев не знает, что «деревья – это живые существа. Деревья и люди живут по одним и тем же законам. Они рождаются, болеют, умирают. Поэтому нельзя срубить молодые деревца, это – дети, и они должны вырасти и стать взрослыми. Деревья испытывают боль при надрезе

коры, плачут, но их язык понятен лишь немногим знающим людям (неме билер кижичи)» (это слова из книги С. Тюхтеновой «Земля. Вода. Хан-Алтай»). И, тем не менее, срубленные с соответствующим отношением, с просьбой о житейской необходимости свадебные березовые ветки уже становятся чем-то иным, нежели просто свадебным атрибутом, в данном случае – они символ некоей жертвы, принесенной ради счастливого будущего новой семьи.

Подобным образом разъясняется и значение белого свадебного занавеса, размещенного перед шествующей процессией. Дело в том, что на невесту в момент ее первого появления разом устремляется несколько сотен любопытных глаз. Образно говоря, сотни взоров острыми иголками вонзаются в единственную персону (тяжелое психологическое испытание), и тогда занавес как бы берет на себя роль оберега – своей белизной отражает невидимое энергетическое напряжение, снимает возможное присутствие негатива в сей необычайный час.

Итак, счастливо улыбающаяся невеста, бережно ведомая двумя родственницами, шла навстречу своей судьбе. А я от сильного сопереживания происходящему, как это случалось не раз, мысленно перевоплощаюсь в главную персону той и, можно сказать, начинаю жить ее эмоциями. У меня слегка кружится голова (подобное испытывают все невесты!), пересыхает горло (всенепременно!), хочется быстрее очутиться в прохладной юрте, чтобы прийти в себя от множества глаз...

Но вот наконец невеста ступила за порог. Здесь, в юрте, также толпится народ, но значительно меньше, чем во дворе.

Первый жест – поклон очагу, От-Эне, от будущей хозяйки семейства, затем ее усаживают на тёр за белый занавес – сакральное место за очагом. Рядом с ней по обе стороны располагаются две женщины с гребнями в руках. Это единственный случай, когда кто-то, кроме хозяев, ступает на запретное место.

А теперь – стоп, внимание! С этого момента начинается малая кульминация большого торжества – акт таинства: причащение невесты к роли хозяйки юрты.

Две снохи, со стороны жениха и невесты, с соответствующими случаю песнями распускают молодой волосы (присутствующие подхватывают песню), делают прямой пробор – разделяют волосы ровно на две части, затем красиво и аккуратно заплетают в две косы. При этом обе женщины напомним примету – верховодить в семье будет тот, чья сторона первой закончит плетение косы.

В старину поверх платья надевали обязательную безрукавную одежду чегедек, после чего наступал момент «смотри молодой хозяйки». Для этого таая жениха рукояткой кнута приподнимал край занавеса. Руками занавес открывать запрещено, предполагается, что в этот час целый рой невидимых духов (охранители невестиного рода, прибывшие вместе с ней) облепляют белый занавес. Голые руки – уязвимое место, брешь для нанесения ментальной обиды в том случае, если она, не дай Бог, возникнет по ходу торжества. Зато плетка, как известно, является одной из тех вещей в хозяйстве, которых боятся невидимые глаза сущности.

После лицезрения молодой хозяйки публика должна убедиться в мощи ее психоэнергетической силы: невеста из маленькой чашки выливает в горящий огонь очага жидкое масло – ее первое общение с От-Эне. По тому, как взметнется высь пламя и насколько ровно, без крена, будет поставлен казан на таган, судят о хозяйственных качествах будущей хозяйки, ее характере и повадках.

Затем наступает черед экзаменовки жениха – он продемонстрирует присутствующим умение работать топором, ножом, кнудом, а также свое остроумие и выдержку.

Я не берусь описывать свадьбу целиком, для этого понадобилась бы еще одна книга. Скажу только, что в этот замечательный день пережила такое богатство эмоций, что спустя три десятка лет картина тоя с легкостью выплыла из глубин подсознания со всеми подробностями и частностями.

А Гимурата больше всего удивило то, что на свадьбу явились все жители большого села, что каждому нашлось место и что алтайцы с глубокой любовью и трепетом хранят и соблюдают свои традиции.

КРЕДО ЖИЗНИ МОЕЙ БАБУШКИ

Конечно, я отдаю себе отчет в том, что все, что излагается от имени моей бабушки, есть достояние народа, полученное ею от ее предшественников. Но так как эти знания тем или иным способом были восприняты мной от нааны, название главы оставляю, как есть.

Кстати, если бы бабушка услышала, что я именую ее образ мыслей словом «кредо», она, должно быть, вначале возмутилась бы, потом подытожила примерно так: «Ладно, это твои слова, не мои...» А после, наверное, все же добавила: «Впрочем, лучше немного великаться, нежели умалиться».

Наана с трудом переносила людей с низкой самооценкой. «Как можно, – не годовала она, – руки-ноги есть, голова на месте, живет на родной земле, вот тебе дрова, вот тебе вода, а он только и делает, что грызет внутренности себе и своим близким. Не нужно унывать – есть Бог. Не нужно печалиться – есть Алтай».

Итак, первое кредо: «Никому не делать и не желать зла. Даже своим обидчикам. Есть сила проклятия, посланная в справедливом гневе, она обладает неумолимо разрушительным свойством для обеих сторон, поскольку способна бумерангом возвращаться назад, а это значит, может отравить жизнь не только обидчику, но и самому пославшему проклятие вплоть до седьмого колена потомков».

Второе: «Не верить слухам и наветам и не разносить их. Очернить можно даже цветок».

Третье: «На чужом несчастье счастье не построить – рано или поздно пожнешь то, что посеял».

Четвертое: «Не смей ни под каким видом смеяться, дразнить и передразнивать детей и взрослых с физическим или психическим дефектом.

Попробуй только! – сама увидишь, чем это может обернуться».

И далее:

«Удерживаться от самовосхваления. Стыдно и неудобно, когда это делают. Хвастливость с наперсток способна испортить достоинство величиной с верблюда. Разумный не станет возносить свою мощь и успех».

«В каждую свою работу вкладывать все силы, чтобы потом сказать – сделала все возможное. Достоинство любого начатого дела состоит в том, чтобы его завершить». Считается, что вторая часть этого высказывания принадлежит Чингиз-хану. Так что ж, это делает честь бабушке, которая многое в своих воз-

зрениях переняла от эрудита-свекра, судурчи Аба Кёкуля, и никогда этого не скрывала.

С прямой отсылкой к свекру бабушка говорила: «Тебе кажется, что голые деревья зимой впадают в спячку и ничего не делают? Ошибаешься. Именно зимой они, как никогда более, напряженно и невидимо трудятся – готовятся к тому, чтобы весной на них появилась листва».

Бабушка полагала, что эпитет «красивый» («дъараш») не может быть вслух озвучен в трех случаях: в отношении ребенка, в момент, когда любишься природой Алтая, и при упоминании имени Бога.

«Ничего стоящего без жертвы (большого расхода энергии, средств и, может быть, даже жизни) не делается».

«Не терзай и не кори себя за ошибки, если только ими не причинила кому-либо горя. А если такое случилось – попроси прощения. Ошибиться может каждый. Признает свою ошибку – мужественный, прощения просит – достойный».

«Надо быть благодарной за все прожитое: и за радости, и за горести. И то, и другое – бесценный урок, драгоценный опыт, богатая казна для новой жизни после земной».

«Неблагодарность – худший из пороков. Если в трудный час тебя выручила чашка муки доброго человека, в хорошее время не забудь доставить ему целый мешок и делай это в продолжение всей своей жизни при каждом удобном случае».

«Если будешь жаловаться на судьбу и роптать на скудость того, что имеешь, Бог отнимет у тебя и это последнее. Горевать о себе – все равно, что зарыть себя заживо в землю».

«О чем я прошу в молитвах? Ничего для себя. Прошу детям, родным и близким, и тому, кто попросит за него помолиться».

Необходимо помнить: Господь – всемогущ, однако не в Его правилах распутывать узел, завязанный нашими поступками и делами.

Следует благодарить, а не просить».

«Чистая совесть – верная защита в любых сложных ситуациях и обстоятельствах».

«Не говори о себе плохо. Как будешь относиться к себе, так будут относиться и окружающие».

«Не говори ни о ком плохо. Как будешь относиться к людям, так они будут относиться к тебе».

«Кто в глубине души недоволен собой, всегда недоволен другими. Его раздражает все вокруг, своей критикой он достает свое окружение. Люди отмахиваются от такого, как от назойливо жужжащей мухи».

«Человек становится плохим от того, что с ним плохо обращаются».

«Венец разделенной с кем-либо трапезы – слава и почет».

Венец припрятанной съеденной еды – всего лишь человеческий кал».

«В большом богатстве нищета бывает... Венец непомерного обогащения – слезы для потомства».

«Все люди разные. Одни сильные, другие слабые. Такими их создал Господь Бог. Такими их и надо воспринимать».

Помню, с какой добродушной иронией она отнеслась к тому, что мы, три подруги, влюбились в нашего нового учителя: «Вы способны видеть только внеш-

ность, вам подавай только смазливое лицо, а вот разглядеть в невзрачном парне красоту его души вряд ли когда-нибудь сумеете, вертихвостки».

«Стыдливость – главное украшение девушки, а затем женщины».

«Подруги и друзья – это то окружение, которое необходимо любому человеку.

Друзья принимают тебя такой, какая ты есть от природы, со всеми достоинствами и недостатками. Возможно, иногда идеализируют, бывает – укажут на оплошности и ошибки, но ни в коем случае не смакуют твои недостатки. Истинная подруга так не поступает».

«Нельзя подругам рассказывать все свои тайны. Выложиться без остатка – это все равно, что жить без собственной тени».

«Человек имеет одну свою сокровенную тайну, о которой знает только он сам и Бог. И она уходит к Нему вместе с ним...» Что? Какую сокровенную тайну унесла с собой бабушка Биле? От этого вопроса без ответа ее образ становится еще более объемным. Во всяком случае, для меня, ее внучки.

«Тайна, доверенная хотя бы одному человеку, перестает быть тайной.

Если уж совсем не терпится поговорить, возьми шапку, положи ее перед собой, выскажись. А затем прислушайся к сердцу – оно каким-то образом знает, как поступить в сложных обстоятельствах. Мой свекор говаривал: “Нет кама правдивее сердца”».

«Как различать окружающих тебя людей? Это непростое дело. С ходу сложно разобраться. Но один способ все же есть. Тот из людей, с которым тебе тяжело общаться, каким бы интересным он ни был, и который подбивает на поступки, тебе не свойственные, тот не подходит тебе, он и есть темный для тебя человек. Держись от него подальше».

«Замуж надо выходить один раз. Даже если второе замужество окажется более удачным, чем первое, все равно на том свете предстоит жить с первым мужем». Когда я возразила: «А как быть, если первый муж умрет рано, а жена к нему явится седовласой старухой?» – бабушка сердито цыкнула: «Не умничай!»

«Что делает женщину по-настоящему красивой и сильной? Когда она, вопреки всему, обожает своего недотепистого мужа.

Что делает мужчину красивым и сильным? Когда он шадит тех, кто слабее его».

«Глупая женщина принародно хвалит сына. Глупый мужчина хвалит жену.

Зато если женщина хвалит мужа – как это красиво, как такое воодушевляет окружающих!»

«Воспитание – вот чего не хватает современной молодежи, – считала бабушка. – Образование имеет, знаний набрался, а культуры – маловато. Бескультурье человека видно с нескольких его слов, проявляется в каждом движении, жесте, в любой мелочи».

«Что такое культура? Это по-человечески видеть, слышать, чувствовать и взаимодействовать с окружающими людьми, миром вокруг, с самим собой. А для этого с первых дней жизни и до последнего вздоха, в каждый отрезок времени душа обязана неустанно трудиться».

«Умение слушать – важное качество: если человек с рвением начинает рассказывать о своих успехах и удачах, в глубине души он не уверен в себе, нуждается в поддержке; если говорящий дважды-трижды подчеркнул свою искренность, не стоит ему верить, он лукавит; если некто любит поговорить о порядочности и

открытости своей души, знай – на самом деле это не так; ну а вор, чтобы отвести от себя подозрение, непременно укажет пальцем на того, кто окажется рядом».

«Люди? Я бы с удовольствием взяла ивовый прутик и выбила из них дурь. Однако это не мешает мне любить их».

Бабушка недоверчиво относилась к людям, речь которых была обильно пересыпана поговорками. «Краснобай. От него так и жди какого-либо подвоха», – говорила она.

Ее любимой поговоркой была: «Человек богат человеком».

ПРО РАЗГНЕВАННОГО БОГАТЫРЯ

Мой рассказ о наане подошел к концу. В связи с этим вспоминается одно чудное сказание из алтайского фольклора, пересказанное писателем Павлом Кучияком, переведенное Анной Гарф.

Дело было осенью. Осенние ночи длинные, хорошо такой ночью сидеть в сухом аиле у жаркого костра и слушать песню-сказку. Однажды семь ночей пел сказку знаменитый на Алтае сказитель-кайчи – Чийик Капраилов. Семь ночей сказывал он, струны топшура перебирая, великую песнь о богатыре Алтай-Куучине. Семь ночей народ певца слушал. На восьмое утро сел кайчи на коня, к себе домой собрался.

По дороге домой сказителя сморил сон. И видит он: вершины деревьев к траве пригнулись, корни к небу поднялись; тучи небесные на землю опускаются, пыль земная кверху поднимается; на вершине горы вспыхивают зарницы, к подножию звезды сыплются. Это сам Алтай-Куучин-богатырь, о котором семь ночей Чийик пел, теперь сюда едет на багрово-рыжем коне... Ближко-близко подъехал Алтай-Куучин к Чийику Капраилову:

– Это ты обо мне семь ночей пел?

Чийик языком шевельнуть не в силах, челюсти не отмыкаются. Дрожа, на потник опустился, на колени встал.

– Я спрашиваю, – загремел богатырь, – ты про меня семь ночей сказку сказывал?

– Э-э... да-а, говорил сказку... – голоса своего не слыша, отвечает Чийик.

– Лжива была твоя песнь, не всю правду ты людям сказал. Мою богатыршумать воспел, богатыря-отца помянул, подвиги мои славил, врагов моих осмеял. Но, победы мои восхваляя, почему о постыдном бегстве моем ничего не сказал? Забыл ты, как шел на меня богатырь без лука, без копыя?.. От этого пешего богатыря спасаясь, я коня насмерть загнал, бросив коня, пешком побежал... Правду как ты посмел от людей утаить?

Чийик голову опустил, из глаз слезы бегут.

Тут Алтай-Куучин ременной плеткой взмахнул...

Вот такая история. Сказитель Чийик Капраилов выказал в ней себя истинным носителем Чести. Проведя отдаленную аналогию между собой и легендарным сказителем, спрашиваю себя: «А всю ли правду я рассказала о своей наане? Не утаила ли чего? Не приукрасила ли ее образ в угоду собственной внутренней конъюнктуре? Не явится ли ко мне ее рассерженный призрак с требованием о честном повествовании?»

Вопросов много, а ответ один – в своих воспоминаниях мне не было надобности в приукрашивании. На бабушке не было пятен. И это так. Моя миссия здесь более чем скромная. Я – передатчик, рассказала лишь то, что зафиксировала память сердца.

...Мой рассказ о детстве охватил период одного короткого лета, часть осени, зимы, весны и небольшие фрагменты более раннего и позднего времени.

Понятно, что он не мог не коснуться памяти моей незабвенной нааны, прожившей на этом свете, как она любила говорить, на Лунно-Солнечном Алтае, ровно 95 лет вопреки сверхчеловеческим трудностям и испытаниям.

В разные годы своей жизни мне довелось увидеть и услышать в личном общении много разных бабушек: русскую, немку, хакаску, казашку, татарку, таджичку, еврейку, латышку, уйгурку, киргизку, осетинку.

Всех моих знакомых объединяло стойкое и спокойное принятие жизненных перипетий; чудное умение большую проблему превратить в малую, а малую считать не существующей; простить обиды; отпустить боль; достойно нести себя по жизни, не жалуясь и, боже упаси, не демонстрируя свою исключительность; не выпячивая или, как говорят сегодня, не «пиаря» себя. Зачем? И... перед кем? – «Иных уж нет, а те далече...»

Их с нами нет. Вместе с ними ушел целый пласт неповторимой и невосполнимой общечеловеческой культуры, в которой прочно хранился особый архетип поведения многих поколений бабушек и дедушек.

Теперь я сама бабушка, с настойчивой решимостью затеявшая потревожить призрачный дух далекого детства, передать его очарование и приметы, насколько возможно – перекинуть мостик от прошлого к настоящему...

Взяв на себя столь важную обязанность, нельзя не сознавать всю меру ответственности предпринятого. Понимала, надо быть предельно точной, и здесь не может быть мелочей: «...Осторожно перебираю некоторые из многих, оставшихся в памяти... Хочется верить, что в этом горьком и светлом ряду “людей на все времена” благодарная память потомков сохранит имена...» [19]

Не могу сказать, что все получилось, – много милых частных осталось за пределами сказанного... Однако журить себя за это не стану по простой причине – нельзя объять необъятное.

Допускаю также, что есть место упрощениям. В ходе работы случалось – сердце замирало от сочувствия к себе. Был момент, когда одним движением хотелось задвинуть рабочий материал в дальний угол стола. Однако еще в раннюю пору жизни мне было внушено: «Достоинство любого начатого дела состоит в том, чтобы его завершить». Отринула слабодушие, в меру своих возможностей закончила задуманное, с облегчением выдохнула – «финита», поставила жирную точку.

По обыкновению своему, закончу повествование стихотворными строками. Они созвучны тому, чему я отдаю предпочтение в своей жизни, продекларированы алматинским поэтом Кайратом Бакбергеновым, сокурсником по Литературному институту многих моих земляков-поэтов:

Вовсе и не – ловлей рыбы,
перемалыванием зерен,
извлечением корней,

занимаюсь ловлей ветра,
переламываньем смысла,
извлечением чудес.
Ну, а то, что было взято,
Неизменно возвращаю.
Рыбу – морю,
зерна – стеблям,
корни – в степи.
Неизменно.

ПРИМЕЧАНИЯ

13. Летом 1904 года горный и степной Алтай сотрясло событие, получившее название «погром бурханистов». Газета «Сибирская жизнь» писала: «...18 июня в Усть-Кане... собралась могучая рать, вооруженная дубинками, пистолетами, кремневыми и шомпольными ружьями... Преосвященный Макарий разъяснил цель сбора: "Вы едете разгонять незаконно собравшихся калмыков, проповедующих лжеучение и не повинующихся властям..."»
14. На первый взгляд, мысль о потопе на территории Горного Алтая кажется абсурдной: слишком далеко отстоит от океанов. Однако геофизические данные говорят о том, что такая вероятность есть, поскольку г. Горно-Алтайск находится на высоте 285 метров над уровнем моря, Семинский перевал – на 2200 м, а Чике-Таманский перевал – на 1460 м ([date and time.info](#)).
15. Из второй главы «Бхагавад-гиты» – «Песни Господней», священной книги Индии, составляющей часть великого эпоса «Махабхарата».
16. Строка из стихотворения поэта Валерия Куницына.
17. Алмыска – сказочный персонаж с отрицательным характером.
18. Популярный такпак (частушка) моего детства. Предполагаемый автор – Манди Кульджин. Перевод: Мои черные глаза / Вспоминаешь или нет? / Мою черную рубашку / Полоскаешь или нет?
19. Из статьи художника и поэта Сергея Дыкова «Записи на декабрьском снегу» (журнал «Кан-Алтай», № 1 (9) за 1996 г.).

Муканова (Мендошева) Тамара Николаевна, режиссер, сценарист анимационного кино, член Союза кинематографистов РК, заслуженный деятель Республики Алтай, лауреат премии им. Г. Чорос-Гуркина (1994).

Родилась 12 марта 1945 года в селе Купчегень Онгудайского района Горно-Алтайской автономной области. Окончила Московский государственный институт культуры, Высшие режиссерские курсы (ГИТИС).

Более 30 лет проработала на киностудии «Казахфильм», преподавала на кафедре «Режиссура анимации» в Казахской национальной академии искусств им. Т. Жургенова. Сценарист и режиссер 8 анимационных и 3 документальных фильмов, отмеченных дипломами кинофестивалей в Киеве, Кишиневе, Ашхабаде, Брауншвейге и Астане. Автор книги «Бай Чечек» («Подснежник») об искусстве анимации на алтайском языке, учебного пособия «...И зреет художественный образ» и повести «Алтай Золотоспинный с запахом можжевельника».

